

ИСТОРИЯ КОПИИ

МИР ВНЕЗАКОНА

ИЛЬЯ НОВАК

Илья Новак
Мир вне закона
Серия «Реальность под
контролем», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155420
Мир вне закона/Илья Новак: Авторское; 2013

Аннотация

Путешествия по параллельным мирам, головокружительные авантюры, безумный водоворот приключений – все это ждет читателей на страницах романа Ильи Новака из цикла «Реальность под контролем». Любителей юмористической сайенс-фэнтези в стиле знаменитого «МИФа» Роберта Асприна и «Космического шулера» Кейта Лаумера порадует бодрый, ироничный стиль автора, очаруют обаятельные, хотя и не слишком удачливые герои, заморозит вереница удивительных вселенных.

Содержание

Часть 1	4
Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	39
Глава 4	49
Глава 5	72
Глава 6	97
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Илья Новак

Реальность под контролем.

Мир вне закона

Часть 1

Ночь Бьянки

(первые сутки)

Глава 1

– Уиш Салоник... – произнес лысый стражник и внимательно посмотрел на меня. Я кивнул, соглашаясь с этим заявлением.

– Осужден на три месяца за бродяжничество... Выглядит на двадцать пять – двадцать семь годков... Рост – один и две трети...

Разглядывая его лысину, ярко блестящую в косых солнечных лучах, что падали сквозь зарешеченное окошко, я качнулся с носков на пятки и обратно.

– Так... волосы светло-рыжие... нос свернут влево... глаза серые... – Хмыкнув, я взъерошил свою изрядно отросшую

за эти месяцы шевелюру, потер два раза ломаную переносицу и моргнул.

– Руки за спину! – рывкнул второй стражник – долговязый усатый брюнет с мордой, которой не позавидовал бы и западнолибийский болотный ящер, известный в народе под знаменательным прозвищем заточник.

– Лицо круглое... так... веснушки... – Последовал очередной взгляд. – Уши обычной формы, маленькие... – Меня в последний раз осмотрели с ног до головы, и наконец лысый вынес вердикт: – Он!

– Он, – подтвердил усатый.

– Я, – согласился я.

– Поди сюда, бродяга!

Пока я шел к нему, лысый, полуобернувшись, извлек из стеллажа у стены длинный деревянный ящик и бросил на стол холщовый мешочек.

– Ну-ка, ну-ка... мы тут имеем... – Он стал читать пергамент, шевеля губами: – Ремешок коричневый (на стол лег широкий потертый кожаный ремень с массивной пряжкой)... Кисет из-под табака (за ремнем последовал еще один холщовый мешочек с перетянутой шнурком горловиной)... Деревянная фляжка, пустая... монета серебряная, достоинством в один мерцал...

Когда три месяца назад я попал сюда, кисет был наполовину заполнен табаком, а монет насчитывалось шесть...

– Что-нибудь не так, бродяга? – ревниво осведомился вни-

мательно наблюдавший за мною усач.

Ловить тут было нечего, но я все же решился протестующе вякнуть:

– Монет было шесть!

– Шесть? – удивился лысый. – Ты уверен? А вот здесь... –

Палец с заскорузлым ногтем ткнулся в пергамент. – Здесь вот фиолетовым по желтому написано: «одна мерцальная монета»...

Оба выжидающе уставились на меня.

Было большой удачей, что я попал сюда всего лишь на три месяца и только по обвинению в бродяжничестве, но я все же рискнул еще раз вылезти с заявлением:

– Несправедливо, начальник!

– Справедливость? – еще больше удивился лысый. – Ты запомнил, где находишься, бродяга? Протри глаза! Это – западнолибийский острог под протекторатом нашего нежного, как новобрачная в первую ночь, Его Пресвятейшества. Здесь кто-нибудь что-нибудь когда-нибудь бакланил о справедливости?

– А знаешь, Притч, – подал голос усатый, – был тут у нас такой случай... Посадили это одного красавца тоже на треху и тоже за бродяжничество, а он давай в камере буяннить, говорить лозунги об этой самой справедливости и вообще вести себя вызывающе. Помнится, устроил как-то шестичасовую голодовку... Мол, у нас ущемляют его бродяжное достоинство и как-то даже понижают его свободо... сволото...

сво-бо-до-любивую личность...

– Ну?! – поразился лысый. – Это в нашей-то образцово-показательной тюрьме? Которая заняла почетное шестое место на последнем ежегодном смотре Его Пресвятейшества?

– Во-во... Ну, короче, выпускают его через три месяца... Он еще здесь, внизу, успел нахамить всем, кого увидел... А через час патруль приводит его обратно. Оказывается, у него, у этой достойной свободолобивой личности, в портках зашита бутылочка с соком безумной травы... Ну а в Западном Ливии этим делом может торговать, сам знаешь, только церковь Деметриусов Ливийских во главе с нашим преисполненным благодати, как соты – медом, дорогим Его Пресвятейшеством... Ну, этого малого, значит, опять к нам, уже на восемь месяцев, за дурман... Ума не приложу, как эту бутылочку не нашли при первом обыске! Только ничему он не научился, а попытался сколотить профессиональный союз свободных уркаганов. И даже требования выдвинул: чтобы, значит, раз в неделю бесплатно девок приводили, чтоб отбой не раньше полуночи, а подъем не раньше девяти, чтоб разрешили карточные игры, чтоб обязательный послеобеденный мертвый час, чтоб охрана обращалась на «вы», а в баланду клали побольше мяса. Слышал когда-нибудь о такой ерунде, а, Притч? Как будто можно сделать так, чтобы стало *побольше* того, чего отродясь и *не было*. Енто же просто какой-то гребаный *парадокс*, извини, Притч, за ругательное слово.

Ладно, выпускают его во второй раз. Он, понятно, все свои обноски обнюхал, ничего не нашел, а через час – трам-тарарам! – тот же патруль его опять тащит. Выясняется, что у нашего красавца в каблуке правого ботинка выдолблена ямочка, а в ямочке заведена бутылочка с безумным соком, причем – ха-ха-ха! – кажись, та же самая! Хотя ее при втором обыске уже конфисковали! Вот штука-то, а? Ну и получил он уже полтора годика, сам понимаешь, как за повторную поимку с дурманом. Отсидел он, непокорный, годок, и отправили его на перековку в Экхазский промысел. Не знаю, что с ним теперь, но оттудова редко возвращаются... А все потому, что ему показалось: когда его в порядке воспитания несильно стучают по загривку дубиночкой или для профилактики легонько пихают с размаху носком кованого сапожка под тощий зад, то это как-то принижает его сволодо... свололо... короче, его сволочную занюханную личность!

По окончании этой многозначительной истории оба стражника некоторое время смотрели на меня. Приняв рассказ к сведению, я безмолвствовал, и лысый произнес:

– Ну что, бродяга? Есть какие-нибудь предложения? Пожелания? Претензии?

У меня были куча предложений, множество пожеланий и еще больше претензий, но я промолчал.

– Тады забирай манатки и черкни закорючку.

Я подпоясался, сунул в карман флягу с кисетом. Тонкой угольной палочкой поставил в соответствующем месте пер-

гамента жирный кривой крест.

– Четверть века прожил, бродяга, а писать не выучился, – проворчал усатый.

Презрительно покосившись на него, я шагнул назад.

– А монета? – спросил лысый.

– Один мерцал стоит хороший ужин в приличном кабаке. Дайте мне курева, чего-нибудь пожрать и оставьте его себе.

Лысый молча полез в ящик, высыпал на стол горку табака, положил обрывок папиросного пергамента, кусок хлеба, ломоть вяленого мяса и большой плод маулицы. Не поблагодарив, я ссыпал табак в кисет, а все остальное рассовал по карманам широченных грязно-серых полотняных штанов, нижняя часть которых давно истерлась до бахромы.

– Теперь гуляй-топай, бродяга... – Усатый постучал в массивную, с пятью запорами дверь, крикнул: «Все нормаль, Скоп, выпускай гаврика!» – и отпер ее.

Снаружи лязгнуло, дежуривший на внешнем посту стражник открыл дверь, я сделал несколько шагов и почувствовал легкое головокружение оттого, что под босыми ногами трава, а не булыжники внутреннего двора, оттого, что легкий ветерок непривычно холодит кожу, оттого, что лучи солнца падают на землю не через квадраты решеток... В общем, от ощущения свободы.

За три месяца до этих событий мои планы нарушил молодой и хорошо одетый подвыпивший хлыщ, который в общем зале трактира «Пивоглот» вел себя вызывающе, оскорблял хозяина, задевал обслуживающих посетителей девиц и вообще давал всем окружающим понять, что он – пуп Западного Ливия. Я таких не люблю, да и с деньгами тогда было туговато. Поздней ночью я пробрался в отведенную хлыщу комнату, сунул ему в рот кляп, привязал к кровати и обчистил. Денег оказалось не так уж и много, всего семь мерцалов, но одежда могла пригодиться. Спрятав свернутые шмотки под своей широкой рубахой, я расплатился с хозяином и ушел.

Трактир стоял на полдороге между городишкой Базикой и восточным побережьем, в лиге от которого находилось селение с романтическим названием Беяны. В этом селении жил мой старый знакомец по имени Хуансло Хит. Таких, как он, называют «скупщиками». Хита интересовали небольшие и редкостные вещицы. Уже пару лет он покупал у меня то, что разнообразными путями попадало ко мне, и в последний раз взял несколько предметов, которые я под покровом ночи забрал из Храма Благоденствия в Неготране, столице Центрального Ливия. Это было, что называется, «громкое дело», но ночной сторож Храма успел заметить меня, и потому я опасался стражников Его Пресвятейшества более обычного.

Что интересно – эти предметы из Храма ни один другой перекупщик брать не согласился, слишком уж заметные. Барыги резонно опасались, что их не удастся перепродать никому на просторах Ливия. Однако Хуансло Хит дал хорошую цену. Скорее всего, у него был выход на какого-то заокеанского торговца.

И вряд ли Хит обрадовался бы мне, но так или иначе я намеревался нанести ему визит. Мне надо было отсидеться в тихом месте.

Тогда, после «Пивоглота», я не стал переодеваться, а, доверившись редко подводившему меня чутью, свернул с дороги и спрятал похищенные шмотки на берегу маленького лесного озера. У меня имелись причины, чтобы сначала пробраться в селение и разузнать, как там поживает Хуансло, не показываясь при этом ему на глаза. Шум после ограбления Храма поднялся большой, ищайки Его Пресвятейшества могли выйти на Хита. И только я, спрятав украденные вещи, вновь вышел на дорогу, как был схвачен патрулем Его Пресвятейшества.

Выяснилось, что молодой хлыщ приходился кем-то вроде внучатого племянника градоначальнику Базики. Одежды при мне не было, шесть мерцалов не могли послужить доказательством вины, так что получалось – его слово против моего. Его, конечно же, перевесило бы, но обиженный на хамское поведение хлыща хозяин трактира подтвердил, что я ушел до того времени, когда, по словам пострадавшего, его

ограбили, и что никакого свертка с чужими вещами у меня не было. В результате доказать ничего не смогли, меня лишь осудили за бродяжничество, и только.

С чем мне действительно повезло, так это с расположением ближайшего острога – совсем недалеко от места поимки. И теперь, выйдя за массивную дверь, я совсем ненадолго поддался чувствам. Наоборот, как можно быстрее припустил по дороге прочь от острога, изредка оглядываясь (ограбленный хлыщ мог разузнать время освобождения и подстеречь меня с товарищами, ежели, конечно, таковые имелись у подобного болвана).

Никто меня не поджидал. Перейдя дорогу, я миновал редколесье и вышел к берегу лесного озера, как раз неподалеку от дерева с приметно искривленным стволом, в корнях которого три месяца назад спрятал украденное. За это время какой-нибудь бродяга вроде меня мог наткнуться на тайник, но мешок оказался на месте.

Сбросив одежду, я разбежался и прыгнул с невысокого берега. Вода в озере потемнела. Когда почти вся скопившаяся на моем теле грязь смылась, я, чувствуя себя лучше, вылез и наскоро перекусил. Стало еще лучше. Я почистил зубы тростником, свернул самокрутку, достал огниво из полотняного мешочка, принадлежавшего когда-то городскому хлыщу, и закурил. Вновь закружилась голова, и мне стало совсем уж хорошо – до того, что даже захотелось спать, хотя сейчас позволить себе отдыхать я не мог. Докурив, скомкал старую

одежду, поджег ее и, пока она медленно истлевала, стал переодеваться. Хлыщ не отличался крупными размерами – как и я, так что все пришлось почти впору. Вскоре на берегу лесного озера стоял уже не бродяга в обносках, а молодой горожанин в узких брюках, цветастой рубашке свободного покроя, зеленой куртке из плотной шерстяной материи и в шикарных рыжих сапогах сафьяновой кожи, заблестевших под лучами солнца после того, как я протер их листьями. Гребень был в одном кармане куртки, бритвенный ножик в другом. Я причесался и кое-как побрился. На спине между лопаток находился еще один потайной карман, в котором когда-то хранились деньги, а теперь, к сожалению, пустой...

Можно идти. Я засыпал песком истлевающий ворох старых обносков и, чувствуя себя заново родившимся, скорым шагом двинулся в сторону селения Беяны.

* * *

Селение стояло на берегу впадающей в океан реки Длины и когда-то считалось процветающим, но, после того как река обмелела, превратившись в непригодную для судоходства цепь болот, делать в Беянах стало нечего. Большая часть трудоспособного населения подалась в Базику и портовые города, оставив множество брошенных домов.

Беяны встретили меня тишиной. Местные жители словно вымерли, нигде не видно ни одного человека. Я не спе-

ша шел по середине улицы, и солнце отражалось в моих шикарных рыжих сапогах. Потом слева что-то зашевелилось, и я уразумел, что тюк серого тряпья на лавке в тени дерева на самом деле – старуха. Я приблизился и, широко улыбнувшись, произнес:

– День добрый, мамаша. А где народ?

Старуха сидела, поджав ноги под лавку и чуть покачиваясь. Из-под шерстяного платка торчал крючковатый нос, глаза были тусклыми и бессмысленными, между пальцами сжатой в кулак руки что-то белело. В воздухе вился сизый дымок.

– Мамаша! – позвал я, наклоняясь. – Слышь, что ли?

Она дернулась, подняв руку, будто собираясь ударить меня в подбородок, и я отпрянул, но оказалось, что между пальцами у нее зажата толстая, похожая на сигару самокрутка. Старуха судорожно, со всхлипом, затянулась и выпустила мне в лицо клуб пряного дыма. Ее и без того замутненные глаза подернулись пеленой. Я принял. Молодые стебли безумной травы, смешанные с обычным табаком.

– Понял, мамаша! – сказал я и пошел дальше.

Впереди на пригорке показались небольшой храм и что-то оживленно обсуждающая толпа. Я насторожился, но патрулей нигде не заметил. Может быть, какое-нибудь религиозное собрание, решил я и, приблизившись, дернул за рукав ближайшего селянина. Здоровенный детина с копной волос цвета соломы, из которых действительно торчала соло-

ма, медленно поворотился.

– День добрый! – негромко произнес я. – Не подскажешь, где живет Хуансло Хит?

Детина помолчал, хмуро разглядывая меня, и спросил:

– А ты кто такой?

– Уиш Салоник, – представился я, широко улыбаясь. – Его, э... родственник. Близкий. Может, он рассказывал обо мне?

Детина оказался не грубияном – просто тугодумом. Когда наконец до него дошло, кто я и о чем говорю, он с воодушевлением принялся трясти мою руку и забасил так, что стоящие рядом начали оглядываться:

– Родственник? Старика Хита, да? Внук видать, да?

– Внук, – подтвердил я, высвобождая руку. – Внучек. Уишем зовусь. Ты потише, дорогой.

– Я – Дерт! – представился он. – Дерт, сын Дарта! – Вслед за мной детина широко улыбнулся и стал похож на зевающую лошадь. – В гости, да? Погостить то есть? К старику Хиту?

Люди оглядывались.

– Во-во, – подтвердил я. – К нему. Говорю – потише.

Он замолчал, продолжая лыбиться.

– Зубы-то спрячь, дорогой, – посоветовал я. – Не ровен час, откусишь чего-нибудь. Так где, говоришь, живет Хит?

– А тамось... – Дерт, сын Дарта, махнул в том направлении, откуда я пришел. – До управы, а за управой налево. Дом

на самом краю, за пригорком, такой каменный, с башней, не ошибесси...

– Ну, спасибо, – поблагодарил я, поворачиваясь, и тут детина брякнул:

– А у нас труп убег.

– Чего? – не понял я. – Как убег?

– Как – не ведаю. Меня там не было, когда он деру-то дал. Небось на своих двоих. Это я шуткую... Оно, конечно, вряд ли, что он сам убег. Вряд ли. Скорее всего, его кой-то потихому унес. Но пропал мертвяк – точно.

– Какой мертвяк? – Я все еще не понимал.

– Да вот, кузнец наш, Метелин Герм... – Дерт, сын Дарта, ухватил меня за рукав и потянул сквозь толпу. – Вчерась, значит, с утречка тяпнул он рассолу, опосля, значит, позавчерашнего, пришел в кузню, огонь раздул, взял молот, замахнулся и – трах! – детина потрянул рукой перед моим носом, – с копыт долой! Баба его прибегла, голосит как оглашенная. Ну ладно, успокоили ее, его самого обмыли, в чистое одели, плотник гроб справил, уложили в церкви, свечу поставили – все честь по чести. Утром отец Витольд приходит... Это поп нашенский... Замок вроде висит... Он внутрь вошел... Гроб на месте, свеча на полу валяется, а кузнеца-то и нету! Вдова, как узнала, сразу сознание утеряла, до сих пор лежит... – Мы наконец протиснулись через толпу. – А у отца Витольда... он и раньше-то хлипок был... разуменье от такого конфузу совсем уехало... С утра молится и по временам

лбом об пол стучается... Одна плита уже, того, треснула... А голова наш со старейшиной нашел на замке какие-то царапины, вроде его ночью вскрывали... Да вот кому мертвяк мог понадобиться, пугало, что ли, из него сделать?.. Это я шуткую... Никому мертвяк ни для каких делов не нужен... – Говоря все это, Дерт, сын Дарта, с энтузиазмом показывал...

...Внутри храма был виден пустой гроб, а рядом – коленапоклоненная фигура отца Витольда в черной рясе.

...На траве слева возлежала очень дородная женщина в черном домотканом платье, ее лицо казалось спокойным, глаза закатились.

...Возле широко распахнутых церковных дверей стоял кривоногий старикашка с хитрым востроносым лицом.

– Это дед Заяц, наш старейшина, – пояснил Дерт, сын Дарта. – А голова уже в управу пошел, объяснительную писульку в город стряпать. Токмо чего он там толкового напишет? Ни шиша!

Меня эти дела по большому счету не касались, вот только, не ровен час, из города могли нагрянуть стражники для разбирательства. Хотя к исчезновению тела кузнеца я никакого отношения не имел, они все же могли заинтересоваться моей персоной, а это сейчас совсем ни к чему. Впрочем, поживем – увидим...

Похлопав по плечу Дерта, сына Дарта, который вновь радостно оскалился, я кое-как протиснулся сквозь толпу и, ощущая устремленные вслед любопытные взгляды, не слыш-

ком быстро, сдерживая шаг, пошел по пригорку. Позади Дерт, сын Дарта, косноязычно разъяснял общественности, кто я такой и что мне здесь надо.

Над дверью управы – деревянного одноэтажного дома с распахнутым окном – черной краской было коряво написано: УПРАВА. За окном виднелись стол и склонившийся над ним бородатый мужик. Я свернул влево, миновал пригорок и увидел каменное здание с круглой башенкой, подходящее под описание отпрыска Дарта. В старом саду перед домом стояли беседка и колодезный сруб. Подойдя к двери, я постучал и обнаружил, что она не заперта. Я вошел и крикнул: – Эй, Хит! Хуансло Хит! Где вы... дедуля?

Никакого ответа. Я двинулся по коридору, одну за другой толкая двери и заглядывая за них. Половицы скрипели под ногами.

Спальня – кровать, шифоньер и несколько стульев. Затем кладовая, где обнаружили подвешенные к потолку длинные колбасы, бочонок с квашеной капустой, большая корзина с яблоками и на полке – десяток закрытых железными крышками банок из тонкого стекла. Баночки наполняла желто-зеленая вязкая жидкость, похожая на рассол, но слишком для него густая. В жидкости плавало нечто бесформенно-продолговатое, и, приглядевшись, я понял, что это морские устрицы без раковин. Я брезгливо поморщился и, взяв из корзины яблоко, покинул кладовую.

Дальше располагались кухня и горница, или как там, в

сельских домах, называются эти просторные помещения с обеденным столом и длинными лавками... Ничего необычного. Я уже собрался продолжить осмотр, но тут слева раздалось кряхтение. Шагнув внутрь, я посмотрел.

На стене возле двери висели массивные, я бы даже сказал – монументальные, ходики, выполненные в виде замковой башни, с бойницами, подъемным мостом, овальным циферблатом и вычурными стрелками. Как раз наступило три часа, часы закряхтели громче. Мост медленно опустился, появилась деревянная драконья голова. Миниатюрная пасть разинулась на невидимых шарнирах, между клыками проскочила голубая искра. «ГХХРА!» – сипло прокашлялся дракон, а потом еще два раза: «ГХХРА! ГХХРА!» – и еще две искры блеснули в пасти, после чего голова задвинулась назад и мост рывками поднялся.

Качая головой, я вышел из горницы. Довольно неожиданно. Часы и сами по себе диковинные, ну а искры наводили на мысль об электричестве – совсем недавно изобретенной штуковине, сути которой я решительно не понимал, но про которую знал, что она иногда дает свет, а иногда убивает людей. Откуда этому самому электричеству взяться здесь, в старом сельском доме на задворках Западного Ливия? Даже в крупных городах не всякий богач мог позволить себе освещать дом с его помощью... Нет, решил я, скорее в пасти дракона спрятано какое-то устройство наподобие огнива.

Короткая винтовая лестница вела в круглую башню. Я

стал подниматься по ней, и тут наверху, за дверью, отчетливо скрипнула половица.

– Хуансло Хит! – воззвал я, ускоряя шаг и толкая дверь. – Встречайте родственника!

Но и здесь никого не оказалось. В круглой комнате находились круглый грибообразный стол на тумбочке с ящиками, пара стульев, массивный шкаф. На стене висело панно. На панно неизвестный автор высокохудожественно изобразил стоящее на фоне гигантской стеклянной пирамиды голое волосатое существо ростом с человека, с единственным, совершенно безумным глазом посреди бугристого лба. Внимательно рассмотрев его, я еще раз огляделся – и уронил огрызок яблока.

Из узкого пространства между столом и стеной торчали обтянутые серыми домоткаными штанами ноги. Я сделал осторожный шаг и заглянул. Под столом, глядя в потолок остекленевшими глазами, лежал Хуансло Хит.

Я помедлил, пытаюсь сообразить, что мне теперь делать, а затем ринулся вниз по лестнице, в спальню.

Глава 2

Лекарь сразу же отправился в башню. Появившиеся одновременно с ним старейшина, гробовщик и Дерт, сын Дарта, смотрели на меня с явным подозрением и близко старались не подходить. Мы проследовали на кухню, где под низким столом тускло поблескивала батарея бутылей, и гробовщик предложил немедленно выпить. Я достал одну из бутылей, нашел стаканы, до половины наполнил их, пробормотал: «Закусить бы...» – и шагнул к двери, но старейшина окликнул меня дребезжащим голосом:

– Ты куда?

– В кладовую, – пояснил я, останавливаясь. – Там яблоки есть и...

– Я принесу, – вызвался Дерт, сын Дарта, и приволок всю корзину.

Мы подняли стаканы.

– Что ж, – молвил старейшина. – За упокой... Чтоб ему... земля, значит, пухом...

Не чокаясь, мы выпили, после этого дыхание мое перехватило, и я поспешно вгрызся в яблоко. Когда ступор прошел, смахнул с глаз слезы и наконец обрел возможность видеть. Стаканы гостей были пусты, они сидели, настороженно глядя на меня.

– Ну, так, – произнес я, откладывая огрызок. – Кажись,

вы думаете себе, не этот ли невесть откуда взявшийся родственничек пришиб старика, чтобы получить его наследство? Ась?

– Вылазь! – передразнил старейшина. – А что еще, потвоему, милоч, мы должны себе думать?

Гробовщик промолчал, а Дерт. сын Дарта, согласно кивнул.

– Ну, хочу сказать, что тут того наследства – кот напикал. Я еще не осматривался, но, кажись, таких пустых домов в округе полно, выбирай любой и живи. А из-за мебелишки, посуды и бочонка с капустой убивать никого не станешь...

Старейшина покачал головой.

– Это ешо неведомо. Неведомо, чего у Хита в подполье да под перинами схоронено. Он был хитрющим стариканом и себе на уме. Мы-то этого не знаем, а ты, може, чего и прознал...

– Ничего не прознал. Я вообще тут впервой и родственника видел всего пару раз, давным-давно.

– То ты так говоришь...

– Ну а потом...

Дверь открылась, появился лекарь – кучерявый вислоусый дядька неопределенного возраста. Взоры присутствующих обратились к нему.

– Так что? – спросил старейшина.

Лекарь медленно сел, почесал затылок и с непонятным выражением произнес, потупив глаза и нервно теребя мунд-

штуку слухательной трубки:

– Никаких внешних повреждений.

– А шо это значит? – осведомился гробовщик.

– Это значит, что его никто не бил, не колол, не резал, не кусал, не колотил головой и другими частями тела о стены и даже не царапал...

– Ага... А чего ж он тады того... навернулся-то?

– Смерть от сердечного удара.

– Тоже от сердца? – удивился Дерт, сын Дарта. – Как и кузнец?

– Как и кузнец, – подтвердил лекарь.

– То есть ты точно можешь сказать, что вот этот парниша... – старейшина повел в мою сторону тонким носом, – никакого касательства к евонной смерти не имеет?

Лекарь покосился на меня.

– Могу.

– Никакого? – уточнил старейшина.

– Ну, ежели только Хит не помер от радости, когда его увидал.

Все расслабились, а Дерт, сын Дарта, заулыбался и даже подмигнул, показывая, что с самого начала не сомневался во мне.

– Так я пойду, – сказал лекарь, вставая. – Делов еще...

– Стой! – велел старейшина, внимательно наблюдая за ним. – Чего это с тобой, Мицу?

– Со мной? – Лекарь растерянно поковырял в ухе мунд-

штуком трубки. – Да нет, ничего.

– Так «да» или так «нет»? Я не думаю, что этот вот парниша мог тебя подкупить, – я тебя знаю, да и не было у него на это времени. Значит, что-то другое. Выкладывай, чего такой смурной?

Лекарь повел плечами, еще раз ковырнул в ухе и наконец спросил:

– Сколько, по-вашему, этому Хиту было годов?

Старейшина развел руками:

– Скоко годов? Ну, не знаю...

– Годов восемьдесят, – вставил гробовщик.

– Да, может, около того. Постарше меня, значит.

– Ну вот. А организм у него, как все равно у сорокалетнего дядьки.

Я насторожился, внимательно вслушиваясь в разговор. Это становилось интересным.

– То есть как? – не понял Дерт, сын Дарта. – Ты че несешь, Мицу?

– «Че-че»! Ниче! – осерчал лекарь. – Че есть, то и несу! Я, конечно, только снаружи ошщупал, без вскрытия трудно определить, но все ж таки... Не могут быть у восьмидесятилетнего... даже у семидесятилетнего старикана такие... сохранившиеся внутренние органы. Я вообще-то его плохо знал да и видел редко... Он пил?

– Пил! – с вызовом подтвердил гробовщик. – Пил, так шо с того? А кто щас не пьет, кто не пьет? Жизнь такая пошла...

вредная. Я сам, редко, правда...

– Нишкни! – приказал старейшина.

Гробовщик, сопя, сгреб со стола бутылку и разлил пойло по стаканам. Лекарь продолжал:

– Значит, пил и тем вред организму наносил. Должен был выглядеть еще старше своих годов... А он... Ну, неизъяснимый для научного знахарства факт! Не понимаю!.. – Махнув рукой, лекарь встал и покинул кухню.

– Какую-то ерунду Мицу гутарит, – высказался Дерт, сын Дарта.

– Ну, лады... – Старейшина взял стакан, и это послужило сигналом – мы все, презрев слова лекаря о вреде питья для внутренних органов, выпили. – Значит, он сам помер. А почему мы должны верить, что ты его родич?

– Договорить не дали... – проворчал я, вытаскивая из нагрудного кармана сложенный вдвое лист пергамента. – Натэ, читайте!

Старейшина извлек очки в проволочной оправе с толстыми линзами, водрузил их на нос и принялся читать вслух:

«Внук мой, Уиш Салоник!

Надеюсь, письмо сие найдет тебя в городе Чеппле, где ты, как я знаю, проживаешь. Пишет тебе дедушка твой, урожденный Хуансло Хит. Обитаю я сейчас в селении Беяны, что на восточном берегу океана Сапфо, близ речки (ныне – болота) Длины, неподалеку от города Базика. Поселился тут давненько и владею каменным домом с прилегающим к нему

садом, а также кое-каким капитальцем. Люди тут хорошие, не злые, а особо выделяются благородством душ тутошнее начальство, старейшина и голова.

Чувствую я, Уиш, что здоровье мое ослабло, сердце побаливает, голова кружится иногда, верно, грядет мой смертный час. Других родичей у меня, кроме тебя, нет, так что приезжай, поживи со стариком, порадуй меня на склоне лет, а как придет неминуемая кончина, так и вступишь во владение каменным домом с прилегающим к нему садом, а также кое-каким моим капитальцем.

Ты уж уважь старика, приедь.

Твой премноголюбящий Х.Х.».

Ниже стояли число и подпись. Старейшина бросил пергамент на стол и глянул на меня поверх очков. В этих очках, линзы которых почти достигали размера блюдца, вид у него был потешный.

– А ты, значит, и есть Уиш Салоник?

Я протянул ему другой пергамент, где, как в давешнем тюремном свитке, который читали стражники, сухим конторским языком была описана моя яркая внешность, а дальше говорилось, что имеющий оную внешность и податель сего действительно является Уишем Салоником, – и все это скреплено гербовой печаткой городской конторы Его Пресвятейшества. Описание старейшина тоже прочел вслух, все время поглядывая на меня поверх очков.

– Ну что, теперь поверили? – спросил я.

Оба пергамента взял сначала гробовщик, а затем Дерт, сын Дарта, причем последний рассматривал их с умным видом, держа вверх тормашками.

Старейшина осведомился:

– И давно ты письмо получил?

– Да уж месяца два будет.

– Ну? – Старейшина забрал пергамент и внимательно осмотрел его. – Интересно... число над подписью старое, но чего ж тады...

Я быстро глянул на него – глаза старейшины за толстыми линзами были хитрющими и проницательными. Гробовщик и Дерт, сын Дарта, явно ничего не поняли, а он... Неужто догадался, старый хрыч?

Впрочем, так или иначе, старейшина решил не распространяться о своих впечатлениях. Он протянул руку и сказал:

– Что ж, познакомимся, Уиш...

Пожав сухую ладошку, я спросил:

– А вас как величать?

– Как... Все кличут дедом Зайцем. И ты так зови. Выпьем за знакомство!

Мы выпили, и я почувствовал первую волну опьянения. Отрезая от яблока маленькие дольки и осторожно пережевывая их беззубыми деснами, старейшина поинтересовался:

– Что ж, Уиш, думаешь здесь остаться?

– Для того и приехал.

– И как раз в день смерти деда... редкое совпадение... Нет, это я так, без всякого намека. Значит, вступишь во владение наследством.

Гробовщик, всё это время о чем-то тяжело размышлявший и ухвативший наконец ускользающую мысль за хвост, вдруг разродился:

– А етот... пощерк! Пощерк-то на писульке старика Хита али нет?

Дед Заяц покосился на него, затем на меня (я хранил безмятежное спокойствие) и сказал:

– Ну так чего же, давайте проверим. Ежели Хит был грамотен, то где-то издеса должно быть хоть что-нибудь им написанное. Где, Уиш?

Ожидая от него именно этого провокационного вопроса, я ответил равнодушно:

– Еще не осматривался. Но может, в спальне? Или наверху, в башне.

– Года мои не те, чтобы по лестницам зазря шастать. Глянем в спальне...

Мы прошли в спальню и раскрыли шифоньер. После недолгих поисков там помимо полупустой фарфоровой чернильницы, нескольких перьев и сломанных угольных палочек обнаружился смятый лист пергамента, на котором крупным почерком – таким же, как и в письме, – было выведено:
«Устрицы океанские, консерв. – 7 банок (10 девр./б.)
коренья маулицы сушен. – 10 шт. (2 девр./шт.)

рыба суккубия, вялен. – 4 шт./1 фунт. (5 девр./шт.)

Всего – 114 девр.».

– А че такое «девр»? – удивился Дерт, сын Дарта.

– Пощерк тот же, – констатировал старейшина. – Так что, выходит, и письмо Хит писал. Уиш... – Он хитро и с некоторым озорством глянул на меня. – Официально признаю тебя наследником покойного. Документ мы с головой потом справим. – Придвинувшись ближе, дед Заяц тихо добавил: – Опосля отблагодаришь... А пока я вот чего думаю. Яма на кладбище выкопана, гроб есть, у вдовы кузнеца Герма для поминок все готово... Токмо сам покойный спарился. Так что схороним старика заместо его. Надо будет надпись на камне замазать и выбить другую... – Гробовщик кивнул. – Пусть снесь из дома вдовы к тебе, Уиш, перенесут. Ну а про деньги за похороны и поминки с ей сам договорисси. Найдешь «капиталец» и тады отдашь. Верно я грю?

– Верно, – согласился я.

* * *

Похороны, что называется, не сложились.

Общее впечатление портил отец Витольд, не вполне оправившийся после конфуза с исчезновением тела. Он путался, Хуансло Хита несколько раз обозвал Метелином Гермом и не смог толком прочесть отходную. Не добавила порядка и вдова кузнеца, которая поначалу мирно себе всхлипывала,

а затем протиснулась ко мне и вцепилась как клещ, имея в виду вытянуть побольше денег. Мы тихо проторговались почти всю церемонию, с трудом сошлись на десяти мерцалах, после чего вдова потеряла ко мне интерес и вновь принялась плакать. Когда отец Витольд с грехом пополам закруглился, к могиле выбрался старейшина и продребезжал что-то о всеобщей скорби и потоке слез. Мы все поскорбели и смахнули слезы. Потом я, повинувшись жесту деда Зайца, продефилировал вперед и изрек несколько проникновенных фраз. Все с интересом рассматривали новое лицо и оценивали городскую одежду, а в задних рядах несколько мужиков затеяли спор о примерной стоимости рыжих сапог. Чувствовал я себя донельзя глупо и поскорее нырнул обратно в толпу.

– Поминки ввечеру, в доме Хуансло Хита, – объявил старейшина, и мы с облегчением, чтоб не сказать – с радостью, разошлись.

Я собирался в тихом одиночестве хорошенько осмотреть дом и заодно поискать «капиталец», но тщетно – то и дело появлялись селяне, якобы для того, чтобы принести свои никому не нужные соболезнования, а на самом деле, чтобы попятиться на меня и, если представится такая возможность, прихватить на память о покойном что-нибудь интересное. Возможности такой я, впрочем, никому не предоставил. Потом из вечерней прохлады сада возникла монументальная фигура скорбной вдовы, надеявшейся выторговать пару-тройку мерцалов... и не выторговала. Всплакнув для

порядка, она, позвав на подмогу нескольких женщин, принялась вместе с ними переносить из своего дома посуду с едой и бутылки с напитками.

Вслед за похоронами не сложились и поминки.

Не сложились главным образом потому, что все, включая и меня, напились. Вернее будет сказать – все, во главе со мной. Я оказался в этом смысле застрельщиком потому, что после трехмесячного вынужденного воздержания поддался опьянению удручающе быстро, несмотря на обильную закуску.

К вечеру горница была битком набита селянами. За уставленным посудой длинным столом они сидели чуть ли не на коленях друг у друга. Стол имел достаточную ширину, чтобы во главе уместились двое, так что двое туда и сели – я и старейшина. На противоположном конце расположился лекарь, место рядом с ним пустовало в ожидании все еще корпевшего над своей писулькой головы. По левую руку от меня устроился сияющий неуместной сейчас улыбкой Дерт, сын Дарта, по правую от старейшины – насупленный гробовщик.

Когда все расселись, дед Заяц поднялся и загнул прочувственную речугу за упокой души «всеми нами почитаемого, дорогого Хуансло Хита». Народ затих, я скорчил скорбную мину, мы выпили... Заскрипели лавки, зазвенела посуда, и общих тостов больше никто не произносил. Вскоре о дорогом покойном как-то подзабыли – атмосфера стала непринужденнее, голоса громче, и мрачные мысли, обычно сопро-

вождающие такое мероприятие, как поминки, отпустили собравшихся. Чувствуя, что быстро пьянею, я налегал на закуски, но это не очень-то помогаю.

Старейшина, попыхивая трубкой, к дыму которой слабо, но вполне явственно примешивался пряный аромат безумной травы, придвинулся ко мне.

– Да, странным был твой старикан, – задумчиво продрезжал он. – Станным и скрытным.

– Во-во, – подтвердил Дерт, сын Дарта, навачившись на стол с другой стороны.

– Ты-то сам его хорошо знал? – осведомился дед Заяц.

– Нет, не очень. Так, встречались несколько раз, да и то давно. А в чем проявлялась эта его... странность?

– Ну вот, к примеру, с чего он жил? Сад садом, а на земле не работал никогда, ничего не выращивал, ни по кузнецкой части, ни по плотницкой, ни по скорняжной или какой другой мастаком не был, однако ж на что-то существовал, и деньжищи у него не переводились... Вот токмо что в разных штучках-дрючках механических кумекал.

Я хорошо представлял себе, с чего именно жил Хит, но распространяться об этом не стал.

– Что за штучки-дрючки?

– Да хоть бы часы эти, из которых змий вылезает и искрой щелкает. Ты городской человек. Скажи, видал, чтоб где-нибудь в городе торговали такими ходиками?

– Не видал, – согласился я.

– Ну вот. И однако ж где-то он их взял или сам сделал. Он и кузнецу покойному новые меха соорудил, а из старых железок дитям мелкие самодвижущиеся повозки мастерил. Такие, что повернешь ключик, они зажужжат и поедут. А мне как-то рычаг с вертелкой к колодцу приспособил, так что теперь ежели ведро с водой подынешь, то оно вдвое легче кажется. – Дед Заяц прикрыл глаза и медленно, со вкусом повторил: – «...Особо выделяются благородством душ местное начальство, старейшина и голова...» Ведь не «голова и старейшина», а именно «старейшина и голова»... Понимал старик!

– Выпьем за это! – вклинился Дерт, сын Дарта, и мы выпили.

Голоса звучали все громче, краски становились ярче и в то же время трудноопределимой.

– Ну, кумекал дед в мех... механике, – промямлил я. – Что ж тут странного?

– Да вот еще гости его...

– Точно, были гости, – подтвердил Дерт, сын Дарта.

Я заинтересовался:

– Какие гости?

– Все странные людишки, в одеже городской, но не такой, как у тебя, а чудной, невиданной... Бывало, вроде нет у него никого, а потом вдруг утром вываливают... или, наоборот, несколько человек приходят, шасть в дом, а назад и не выходят. И вечером не выходят, и на следующий день не выходят,

и вообще не выходят...

Много у Хита было поставщиков краденого вроде меня, решил я, а вслух предположил:

– Да, может, они ночью уходили. Под утро. Дом-то на отшибе стоит, за пригорком, из селения не видать... Или кто намеренно наблюдал?

Старейшина махнул рукой и пыхнул дурманным дымком.

– Нет, конечно. Кому оно надо, наблюдать? Но тады почему ночью? От кого прятались и зачем? А ранее с ним еще какой-то мужичок жил – здоровый брунет, хмурый, ни с кем не водился... Рожей – чистый зверь, для такого бошку кому-нибудь снести – тьфу и растереть. После исчез... Не, че ни говори, чудным был твой старик. И почему, спрашивается, аккурат в ночь перед его смертью исчезло тело кузнеца?

Я возразил:

– Ну, уж это вы загнули, дед Заяц. Кузнеца приплели! Спору нет, случай невиданный, но одно к другому совсем не лепится.

– Вот я и размышляю...

– Нечаво! – высказался Дерт, сын Дарта. – Хит, може, и смурной старичок был, а Уиш свой паренек. Так шо выпьем по этому случаю.

– Може, еще кто из его странных знакомцев заявится, – резюмировал старейшина. – Так что будь осторожен, Уиш.

– А я всегда осторожен.

– За это и выпьем!

После этого меня окончательно развезло. Смутно запомнилось то надвигающееся, то отступающее лицо деда Зайца, что-то долдонящего мне на ухо, Дерт, сын Дарта, вначале поддакивающий ему, а потом впавший в прострацию, вьющийся вокруг пряный запахок безумной травы...

Потом откуда ни возьмись появилась молодая селянка, видимо плененная моей городской одеждой и светскими манерами, и стала приставать, но я, один Деметриус знает почему, принял ее за вдову кузнеца и все повторял: «Уйдите, тетка, нет у меня сейчас десяти монет!» – «Какая я тебе тетка? – говорила она. – Я ж моложе тебя буду. И денег мне не надо». Так и не добившись от меня толку, селянка исчезла, а на ее месте вновь возник Дерт, сын Дарта, с прилипшей к губе стружкой квашеной капусты, которую он безуспешно пытался слизнуть. Вслед за этим откуда-то выплыл лекарь. Размахивая слухательной трубкой, он кричал: «Хоть ты меня расчлени, а не было ему восьмидесяти! Ему и шестидесяти, если хошь, не было!» Затем из продымленного воздуха оформилась фигура обозленного на весь свет головы, так и не закончившего со своей писулькой в связи с общей туманностью и трудноописуемостью случившегося. Дерт, сын Дарта, поднес ему полный стакан, голова опрокинул его одним махом, и отпрыск Дарта полез к нему целоваться, но голова с размаху залепил ему здоровенным кулачищем в ухо. Дерт, сын Дарта, скрылся под столом и прилег там передохнуть; кто-то закричал, заколотил по лавке, кто-то запел, но этого

я уже почти не слышал, потому что пение и голоса слились в однообразный гул, горница вместе с мебелью и людьми закружилась, огни свечей замерцали, краски смазались в тошнотворном водовороте, и все исчезло.

* * *

Я проснулся в темноте от жажды и ощущения, что язык прилип к нёбу, губы спеклись, а гортань превратилась в обильно посыпанный сухим песком жестяной желоб.

Проснулся и, как водится, не сразу понял, где нахожусь.

Поскрипывали половицы, что-то тикало, а в общем – тишина и темнота, хоть глаза выколи.

«Это часы тикают», – сообразил я. Они тут же закрихтели, засипели, в темноте вспыхнули голубые искры. Невидимая мне голова дракона прокашлялась два раза и скрылась в таинственных недрах часового механизма. «Два часа ночи», – пронизательно подумал я и осторожно сел. В голове противно зазвенело, меня подташнивало.

Темнота периодически начинала покачиваться и куда-то плыть. Вскоре в ней обнаружилось чуть более светлое пятно, я осторожно встал с лавки и на подгибающихся ногах пошел в его сторону.

Тусклый свет звезд лился в окно. Я приник лбом к холодному стеклу и увидел колодец. Это придало моим действиям целеустремленность – шаря перед собой руками, я пошел в

направлении двери и тут же ударился об угол стола тем местом, которым ударяться хотелось бы менее всего. От боли затошнило сильнее.

– ...! – высказался я, скрипя зубами.

На столе звякнуло, опустив руку, я нащупал бутылку. Поднял ее, на несколько секунд приник спекшимися губами. Звон в голове стих. Двигаясь уже более уверенно, я отыскал дверь и вышел из дому.

Одно ведро я вылил на голову, чуть ли не половину второго выпил – никогда еще обычная колодезная вода не казалась мне такой вкусной.

Вернулся в дом, натыкаясь на мебель, отыскал свечу, зажег ее, для порядка еще раз приложился к бутылке и сел на лавку. Так, уже лучше... Можно было ожидать, что кто-нибудь из перепившихся белянцев без приглашения расположится на ночлег, но нет, в горнице и, наверное, во всем доме, никого, кроме меня, не оказалось.

«Скврр... скврр...» – поскрипывали где-то за стеной половицы. Взяв со стола яблоко, я задумчиво откусил. И так, Хуансло Хит умер от сердечного удара, как и кузнец за день до того. Что-то в этом было, но я пока не мог сообразить, что именно. Случай с кузнецом вообще непонятен, и не лез ни в какие ворота. Кому, Великий Ливий, могло понадобиться его тело? И зачем? Ясно дело, одна смерть связана с другой, вот и старейшина что-то подозревает... Да, дед Заяц хитрющий старикан, не чета гробовщику и Дерту, сыну Дарта. За-

метил неувязочку с письмом, да виду не подал. Нет ему в том никакой выгоды, да и рассчитывает наверняка позже что-нибудь с меня поиметь. Ладно-ладно, подумал я, со старым хрычом мы еще разберемся. Надо будет завтра, то есть уже сегодня, хорошенько пошарить в доме. А вообще, по большому счету у меня свои заботы, и вся эта местная суета мне до фени. Хуансло Хит помер от удара – так не я ведь тому причина, тело кузнеца из церкви исчезло – но не я ж его спер. Организм у старика оказался не по возрасту крепкий – что ж мне теперь, удавиться?

Под окном застрекотало какое-то насекомое. Половицы скрипели, часы тикали. Я еще раз приложился к бутылке и закусил яблоком. Эх, покурить бы. Интересно, есть здесь где-нибудь табак? Надо поискать... Не успев додумать мысль, я вскочил с лавки, судорожно нашаривая в кармане рукоятку бритвенного ножика.

Дом был очень старый, и, в соответствии с природой всех старых домов, он оседал медленно, но неуклонно. Так что деревянным рамам в окнах было положено время от времени потрескивать, а деревянным половицам – скрипеть, но дело в том, что половицы скрипели только в одном месте, где-то за стеной в глубине коридора, и скрипели очень уж равномерно, как будто там кто-то медленно ходил.

В темном доме на окраине селения Беляны кроме меня находился кто-то еще.

Глава 3

За одно мгновение я успел подумать об исчезнувшем теле кузнеца, теперь вот самостоятельно пришедшем сюда – неизвестно зачем... Об умершем старике, выползшем из гроба и вернувшемся – непонятно для чего... Просто о грабителе, забравшемся в дом, чтобы украсть... Один Деметриус веда-ет что.

И тут вспомнил: селяне считают, что у Хита припрятаны деньги. Наверное, кто-то решил утащить капиталец, пока новоявленный внук-наследник валяется пьяный. Точно, так и есть! И никаких выползающих из гробов мертвецов и бродячих трупов.

Страх исчез, вытесненный злостью и решимостью помешать непрошеному претенденту. Сжимая одной рукой ножик, другой я взял свечу, на цыпочках подкрался к двери и приложил к ней ухо.

«Скrr... скrr...» – половицы скрипели в другом конце коридора. Я плечом распахнул дверь и вывалился из горницы, вытянув перед собой руку с ножом.

Коридор был пуст. Огонь свечи колебался, моя тень то удлинялась, то съеживалась на полу. Затаив дыхание, я прислушался.

«Скrr... скrr...» – звук, как казалось теперь, доносился сверху, из круглой комнаты в башенке. Что ж, кто бы он ни

был, оттуда никуда не денется...

Свеча уже почти догорела. Возле лестницы я задул огонь, положил свечу на пол и начал подниматься, очень осторожно ступая в темноте.

Скрип стал громче, но затем, когда я преодолел уже почти всю лестницу, смолк. Я замер. Раздался такой звук, будто кто-то приоткрыл ящик, потом приглушенное звяканье. Я перенес вес тела вперед, на последнюю ступень. Опять тот же звук – ящик закрыли, – затем «скрр... скрр...» – и тихое бормотание.

Под ногой громко и протяжно затрещала ступень.

«СКРР! СКРР! СКРР!» – раздалось в комнате, а затем слышатся еще какой-то звук непонятной природы.

Я рванулся вперед, ударился грудью о дверной косяк, охнул, нащупал ручку, рванул ее и ввалился в комнату, размахивая ножиком.

Сквозь эркеры струился тусклый звездный свет, он озарял уже знакомую обстановку – круглый стол-гриб, стулья и огромный шкаф.

И никого здесь не было.

Тяжело дыша, я заглянул за стол, потом за шкаф. Пусто.

И половицы теперь не скрипели.

* * *

Я сидел на полу, скрестив ноги, и пытался отыскать в ящи-

ках стола ключ от шкафа, который, как оказалось, был заперт. В ящиках обнаружили разные вещи, но ключа там не нашлось.

Его мог заменить длинный ржавый гвоздь, но он даже не влез в замочную скважину, хотя, судя по толщине, должен был влезть. Когда я попытался вставить его, в шкафу что-то еле слышно прожужжало... Или мне показалось? Я уже не верил своим ушам. Но половицы точно скрипели, я же слышал... Или все же показалось? Куда делся тот, кто скрипел? Через эркеры он выпрыгнуть не мог, ни один из них не открывался, я проверил. Никаких скрытых люков и потайных дверей здесь не имелось. Или это призрак, внезапно испугавшийся бритвенного ножика и саморассосавшийся в эфире за мгновение до моего появления? Но, во-первых, я не верил в нечисть, во-вторых, призрак ничем не мог скрипеть просто из-за своей потусторонней природы.

Спустившись, я перелил содержимое одной из бутылей во флягу, прихватил огниво, огарок свечи, вернулся и сел возле стола. Содержимое ящиков оказалось любопытным.

Перво-наперво обращала на себя внимание выполненная в виде галеры массивная пепельница из дымчатого стекла. В ней даже имелись уключины, в одной лежала наполовину выкуренная толстая как сарделька сигара с тремя золотыми колечками посередине. Интересно, где это в Западном Ливии делают такие сигары? Отхлебнув из фляги, я прикурил и осторожно затянулся. У дыма был сладковатый незнакомый

привкус, но без признаков какого-нибудь дурмана.

Еще здесь лежали несколько деревянных палочек с заточенными концами, назначения которых я не понял, и маленькая коробочка из плотного негнувшегося пергамента. Две более узкие стороны коробочки покрыты шершавым коричневым налетом, на одной из широких сторон изображена та же стеклянная пирамида, что и на панно, но без одноглазого чудища. Внутри я обнаружил спички, непривычно тонкие и с очень маленькими коричневыми головками. Достав одну, я чиркнул о подошву сапога... и ничего не произошло. Чиркнул еще раз – и опять ничего, только головка раскрошилась. Я достал вторую спичку, повертел в руках коробочку, подумал и чиркнул об одну из коричневых сторон. Спичка загорелась, но как-то непривычно – без шипения, без запаха серы, почти без дыма, ровным красным огоньком. Когда спичка догорела до середины, я уронил ее в пепельницу и проверил оставшиеся ящики.

В одном лежал скомканный лист пергамента... нет, не пергамента, а чего-то очень похожего на пергамент, но более тонкого с виду и белого цвета. Он, кажется, был вырван из какой-то книги, потому что вверху на нем стояли цифры – «235», а под ними шел текст, начинавшийся с отдельно выделенных слов: «Издательство „ТОШИ ЗЕТ“. Иеронимус Шейляни, „КРУПНЕЙШИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ВЕКА“, Том – I». Шрифт был вычурный, и фразы составлены как-то непривычно, но все буквы знакомы. Я прочитал:

«РАЗДЕЛ СЕДЬМОЙ. ПОЧТИ ИДЕАЛЬНОЕ ОГРАБЛЕНИЕ

Но самым знаменитым за последние сто условных декад стало, несомненно, ограбление спецфургона, перевозившего часть казны Эгиды. Это так называемое „Дело ГМК" (Гленсус-Маклер-Кралевски).

Их было трое, и каждый стоил двух других. Ниже мы приводим отрывки из соответствующих досье оперативного отдела...

„Свен Гленсус, сорок два года, уроженец Трансара, потомок известной фамилии Гленсингов дин Трансаров, наследник крупного состояния. Инсайдер второй ступени доверия, занимает пост начальника отдела технического обеспечения при Администрации Финансов".

„Мак Маклер, тридцать шесть лет, уроженец Дестреи, сын ремесленника средней руки. Автор семнадцати запатентованных изобретений".

„Ван Кралевски, возраст предположительно двадцать семь – тридцать лет, уроженец предположительно Фактории. В юности член известной банды, где сделал стремительную карьеру от рядового исполнителя до личного порученца главаря. Актерский талант, звериная хитрость, беспринципность, самомнение, способность идти на пролом ради достижения своих целей (прозвище – Таран). Специализировался на крупных ограблениях и контрабандных операциях".

Известно, что практически любое спланированное ограб-

ление делится на четыре основных этапа: составление плана и подготовка; собственно процесс ограбления; отход и заматывание следов; использование награбленного...»

Я перечитал текст. Какие-то экзотические названия — Трансар, Дестрея, Фактория... Мне это ни о чем не говорило, но мало ли в Большом Ливии неизвестных мне мест?

В нижнем ящике обнаружилась толстая пластина из тяжелого темного стекла... Вернее, мне лишь показалось, что пластина стеклянная. Разглядев ее, я недоуменно нахмурился.

На одной стороне пластины проступало лицо какого-то незнакомого мужика... Нет, не так, лицо находилось *в стекле*, и оно было *объемным*, словно внутри пространство невероятным образом расширилось. Я pokrutil пластину. Голова незнакомца вроде как поворачивалась в «стекле», так что его глаза продолжали смотреть на меня, и казалось, что если заглянуть внутрь, то можно увидеть его плечи, торс и ноги. Вот страсти-то! В изумлении я постучал ногтем по гладкой поверхности, потом глянул с другой стороны, но та оказалась непрозрачной. Бросив пластину в ящик, я вытянул ноги, привалился спиной к стене, глотнул из фляги и затянулся сигарой.

Свеча погасла, догорев. В шкафу иногда еле слышно жужжало, хотя, возможно, это зудело мое перенапрягшееся воображение. Одноглазый чудик с панно глядел на меня, и казалось, что его око мерцает алым светом. Я еще раз прило-

жился к фляге, чувствуя, что опять начинаю пьянеть.

У скупщика краденого Хуансло Хита имелись интересные знакомые. Потому что нигде – нигде! – в Западном Ливии не было ни таких сигар, ни спичек, ни уж тем более таких диковинных объемных картинок в стекле. То же, кстати, относилось и к настенным часам. С другой стороны, за океаном находились другие страны... Хотя я встречался с иностранцами и никогда не замечал в них ничего необычного, но кто его знает, что умеют делать в далеких государствах. Да, это, пожалуй, самое естественное объяснение, откуда все эти диковинные вещицы взялись в доме старика. Когда-то целый год я обучался в церковном пансионе Зарустры Ливийского, пока не ограбил пансионную кассу и не смылся. Более всего мне нравилась тамошняя библиотека, именно после того, как я осилил не один десяток библиотечных книг, меня стали принимать за образованного человека. А еще за тот год я успел нахвататься разных ученых словечек. Так вот, один из учителей естественных наук (его потом вытурили за пренебрежение к концепции Божественных Братьев, как единоначальников всего сущего, и некоторые острые высказывания в адрес Его Пресвятейшества) любил повторять, что не следует умножать сущности сверх необходимого. Иными словами, не стоит придумывать нечто фантастическое для объяснения непонятных явлений, а лучше вначале попытаться объяснить их при помощи чего-то уже известного. И посему остановимся на самой простой идее: эти странные вещицы

старик приобрел точно так же, как те, что сбегивал ему я.

Решив, что глубже копать и не стоит, я в последний раз приложился к фляге, завинтил колпачок и сунул ее в карман. Все, хватит на сегодня. Надо пойти поспать, чтоб с утра подняться и обыскать, наконец, дом. С этим моим делом надо покончить в кратчайшие сроки. Я еще раз окинул взглядом комнату...

...И, облившись холодным потом, вскочил. Мне не показалось – глаз волосатого страшили на панно действительно мерцал зловещим алым светом.

* * *

Он пялился на меня алым глазом и не шевелился, я, замерев, пялился на него. После объемной головы незнакомца в стекле я бы уже не удивился, если б монстр сошел с панно и предстал передо мной в натуральном виде.

Возникло смутное ощущение, что за мной внимательно наблюдает кто-то незримый и настороженный. Вот это было уже совсем некстати. В шкафу зажужжало громче, потом смолкло. Глаз мигнул. Я отодвинулся от стены и сделал осторожный шаг. Глаз качнулся – вверх, вниз. Это еще ничего не значило. Как говаривал учитель естественных наук, «просто оптическая обманка». Я медленно обошел стол и, приблизившись к панно, внимательно рассмотрел его.

Глаз не был нарисован. В панно имелось продолгова-

тое отверстие со сферической стекляшкой, а за ней горел алый огонек... лампочка? Неужели все-таки электричество? Я коснулся «глаза» пальцем. Стеклашка оказалась гладкой, чуть теплой и немного выступала над поверхностью панно. Я нажал на нее и опустил руку. Такая несусветная чепуха выше моего понимания. Если существование часов с драконом, спичек, окольцованной сигары, картинки в стекле еще можно как-то понять, то – Святой Зарустра! – для чего кому-то могла понадобиться вот эта светящаяся лупалка? Спички, сигара, объемный портрет – просто диковинные иноземные вещицы, предназначенные для обычных, понятных целей. Часы... Ну хорошо, оригинальные, но, в конце концов, они показывают время. А какая польза от этой красной стекляшки? Не в силах ничего понять, я с досадой щелкнул по ней ногтем. Затем повернулся, и тут природа алого света изменилась – он сначала потускнел, а потом замерцал в убыстряющемся темпе.

Из-под пола донеслось глухое, но явственное гудение.

Подскочив от неожиданности, я метнулся к двери, потом зачем-то к столу, затем, окончательно потеряв голову, обернулся и увидел, что комната озарилась новым светом. Ощущение присутствия незримого наблюдателя не исчезало. На панно стеклянная пирамида за спиной страшилы мерцала, зеленые блики перемещались по ней в сложном ритме и складывались в слова:

ВНИМАНИЕ!

ДО СТАРТА – 20... 19... 18... 17...

Не понимая, я уставился на светящиеся цифры. В шкафу защелкало, затарахтело и зажужжало. Надпись изменилась:

КОНЕЧНАЯ ОСТАНОВКА: СТАНЦИЯ РД (Б-1) 16... 15... 14... 13...

Гудение под полом усилилось.

ПРОМЕЖУТОЧНАЯ ОСТАНОВКА: «НА ГОРЕ». 12... 11... 10... 9...

Сверху раздался звук, как будто над потолком что-то разъехалось, разошлось в стороны...

РАБОТАЕТ АВТОПИЛОТ. 8... 7... 6... 5...

Пол начал дрожать, мерцающий свет резал глаза. Как замороженный, я смотрел на цифры. ПРИМИТЕ УДОБНОЕ (УСТОЙЧИВОЕ) ПОЛОЖЕНИЕ. 4... 3... 2... 1...

СТАРТ!

Вслед за этим пол на мгновение перестал трястись, затем дернулся особенно сильно, встал на дыбы и рванулся вверх.

Глава 4

Я лежал на спине, раскинув руки, и смотрел в потолок. Ныл ушибленный затылок, в горле опять пересохло. Меня бил озноб и не оставляло идиотское ощущение, что я до сих пор в остроге, а все это – лишь маразматический предутренний сон. Там, на нарах, постоянно пребываешь в состоянии полуяви, когда почти просыпаешься, переворачиваясь на другой бок, а ворочаешься всю ночь на твердой и грубой поверхности под тобой. Сны из-за этого снятся яркие и сумасбродные.

Слышалось гудение, пол уже не трясся, зато начал покачиваться. В шкафу тихо щелкало. Я сел и потер затылок.

Глаз волосатого чудика погас, буквы и цифры стерлись с пирамиды. Я стал подниматься, но тут пол качнулся сильнее, так что пришлось встать на четвереньки и таким манером подобраться к эркеру.

Сначала я не понял, что вижу.

Внизу было темное пространство без зримых границ, в котором изредка вспыхивали и гасли огоньки, а иногда появлялись и проползали назад размытые пятна тусклого света. Слышался приглушенный свист, будто от сильного ветра. Неужто, пока я лежал, начался ураган? Наконец я осознал, что именно вижу, и, встав на колени, уперся ладонями в стекло эркера.

В один момент хмель слетел с меня. Башня летела!

Потрясенный, я посмотрел вверх.

Небо словно приблизилось вместе со звездами, свет которых то и дело гасили проносящиеся назад тучи. Я смотрел долго, не в силах осознать все это, но невероятное событие требовало какой-то реакции, а накопившиеся чувства – разрядки. Я вскочил, рискуя упасть на качающемся полу, подбежал к шкафу и с размаху саданул по нему ногой. Внутри приглушенно застрекотало.

– Вылезай! – заорал я в ярости. – Ты был здесь, я слышал, как ты ходишь! Теперь ты в шкафу! Что это все значит?! Вылезай!!!

Я еще раз ударил по шкафу и прислушался. Внутри тихо, как в гробу. Вцепившись в верхний край дверцы, я изо всех сил потянул, но шкаф не поддавался. Пальцы соскользнули, и я опрокинулся на пол, опять ударившись затылком. Из глаз посыпались искры. Охнув, перевернулся на живот, подполз к эркеру и вперил взгляд в темное пространство. Кажется, мы двигались вдоль океанского побережья на юг, в сторону Эльханского кряжа. Стало совсем плохо, меня затошнило. Я перевернулся и лег, осторожно прижавшись шишкой на затылке к холодному полу.

Не было никаких сомнений – мы летели. Хотя этого не могло быть... просто потому, что не могло быть в принципе! Машины для полетов, называемые летунами, появились совсем недавно. Управляемые одинокими вдохновен-

ными безумцами, они падали и разбивались вдребезги едва ли не прежде, чем успевали взлететь. И вообще, сама идея крайне не поощрялась адептами Его Пресвятейшества, как провокационная и ставящая под сомнение таинство вознесения Братьев Деметриусов к небесным чертогам. И уж конечно, ни о каком сложном приспособлении, которое позволило бы взлететь столь громоздкому сооружению, как эта башня (лишь несколько позже я сообразил, что взлетела не вся башня, а лишь комната «выстрелилась» из нее, как ядро из пушки), не могло быть и речи.

Я сел, достал фляжку, дрожащими пальцами отвинтил колпачок и надолго приложился к горлышку. Перевел дух, вытер губы рукавом и приложился еще раз. Так, теперь лучше. Попробуемся свыкнуться с мыслью, что мы летим.

Попытался... и не свыкся.

Лады, тогда по-другому. Попробуемся понять, что нам делать.

Хоть зарежься, а что делать – неясно. Правда, этот шкаф... Что-то или кто-то в нем определенно находится. Но данный предмет мебелировки сделан как будто из литого железа, хотя с виду и кажется деревянным. Все-таки следует заняться шкафом, тем более что, кроме него, заняться мне решительно нечем... Тут в комнату проникли отблески, и я вновь приник к эркеру.

Впереди висело светящееся тело пирамидальной формы. Башня стремительно приближалась, парящий предмет уве-

личивался, и вскоре я смог различить площадку с перилами, в центре которой высилась массивная башня желто-зеленого цвета – такого, какой бывает у клыков болотного ящера в старости.

Мы замедлили ход и полетели по кругу, так что стали видны подробности.

От верхушки башни к перилам тянулись провода с разноцветными лампочками, озаряющими столы и пару десятков сидящих между ними людей разных полов... Во всяком случае, мне показалось, что это именно люди, хотя в тот момент я бы уже ничему не удивился. В нижней части башни имелись двери, от них к столам и обратно ходили несколько мужчин в черных костюмах, с подносами в руках. В одном месте, свободном от мебели, танцевали. Порыв ветра донес до меня звуки незнакомой музыки, голоса, звон и всплески хохота.

– Святой Деметриус! – хрипло прошептал я, прижимаясь горячим лбом к холодному стеклу. – Если ты есть здесь, на небесах, то... Посмотри, да это же трактир!

* * *

Штуковина, в которой я летел, замедлила ход, развернулась вокруг оси и очень медленно приблизилась к желто-зеленой башне. В шкафу застрекотало, глаз страшили ярко мигнул, пол дрогнул, и мы стали. На пирамиде зажглись и

погасли зеленые буквы:

ПРОМЕЖУТОЧНАЯ ОСТАНОВКА: «НА ГОРЕ».

Голоса и звон снизу доносились теперь громко и отчетливо. Я не шевелился, ожидая, что случится дальше. За дверью, которая вначале вела на винтовую лестницу, потом – в пустоту, а теперь, насколько я мог понять, была обращена к башне, раздались шаги. На всякий случай я отступил к стене. Дверь открылась, в проеме возникла массивная фигура со странной конусообразной головой, держащая в руке нечто длинное с круглым утолщением на конце.

– Эй, Хлор! – произнес низкий голос. – Привез устрицы? Пять банок или десять? Сколько достал? Хлор! – Он вошел внутрь, вертя головой.

Оказалось, что это очень толстый мужик в колпаке, тапочках, белых штанах и фартуке на голое тело, с половником в руке. Теперь через проем стали видны коридор, перила и ведущая вниз лестница.

– А маулицу? – продолжал повар. – И что-то я не чувствую запаха суккубии! Ты что, ничего не привез? Что случилось. Хлор? – Он опять повернул голову и наконец заметил меня. Мы уставились друг на друга и некоторое время молчали, а затем он сообщил: – Так ты ж не Хлор Халай!

– А кто это? – осторожно уточнил я.

Повар, нахмурившись, медленно пошел на меня. Я продолжал стоять у стены. Он вдруг рывкнул:

– Убил Хлора?! Угнал его прайтер?!

– Чего?.. – начал я, но тут он поставил свой половник у стены и припер меня к ней габаритным пузом.

– Вени! – завопил он, сжимая одной лапищей кисть моей руки, а второй вцепляясь в мою шею. –

Вени, сюда!

– Ты чего, папаш? – Я безуспешно попытался высвободиться.

У двери возник коротышка в синем костюме с желтыми пуговицами и синих полусапогах с желтыми пряжками.

– Ну? – спросил он.

– Вени, это ж прайтер Хлора?

– Ну, – подтвердил коротышка.

– И он должен был как раз прилететь, помнишь, я еще заказывал устрицы и суккубию к рыбному дню... Захожу, Хлора нет, а вместо него этот... убийца! Выходит, он пришиб Хлора, угнал его прайтер...

– Ну! – удивился коротышка.

– Наверное, какой-нибудь опасный маньяк из местных...

Кликни побыстрее Мармадука!

– Щас! – Коротышка повернулся и ускакал.

Повар вперил в меня тяжелый взгляд. Я свободной рукой изо всех сил колотил его по боку, но без особого успеха.

– Не знал, что прайтер на автопилоте? Занесло тебя сюда...

– Послушай, ты ничего не понимаешь, – попытался объяснить я. – Я, правда, тоже ничего не понимаю...

Снизу раздались звон и громкий голос:

– За Эгиду! Пей до дна!

Повар скривился и поднажал пузом. Охнув, я опустил руки – у меня сперло дыхание. Пальцы наткнулись на ручку стоявшего у стены половника.

– Инсайдеры веселятся, – проворчал повар. – Ничего, и от них бывает польза. Сейчас наш вышибала с тобой разберется, и мы тебя им сдадим.

Я заскреб пальцами, подтягивая половник. Он тихо звякнул о стену, но шум снизу помешал повару услышать звук. В дальнем конце коридора над перилами лестницы показались две головы. Подтянув половник, я крепко перехватил ручку, сделал круговое движение рукой и стукнул повара по макушке. Половник был тяжелый, кажется чугунный, так что в голове у толстяка должны были зазвенеть праздничные колокола. Отпустив мою шею, он отшатнулся. В коридоре тем временем появились фигуры – коротышки Вени и вторая, напоминавшая страшиллу с панно, но двуглазая. Этот Мармадук оказался таким же волосатым, длинноруким и коротконогим, а одет лишь в длинные, до колен, синие обтягивающие трусы. Размахнувшись, я ударил еще разок, метя в лоб. Повар сделал неверный шаг назад и стал медленно оседать, одновременно поворачиваясь. Бросив половник, я метнулся к панно и буквально вонзил указательный палец в стекляшку. Она замерцала алым светом, на пирамиде возникли слова:

ВНИМАНИЕ! ДО СТАРТА 20... 19... 18... 17...

Коротышка и волосатый в изумлении разинули рты. Я бросился назад, к повару, который все еще стоял на ногах, и, схватившись одной рукой за фартук, а второй за ремень его штанов, с трудом развернул грузное тело головой к двери.

16... 15... 14...

Оттолкнув коротышку, волосатый ринулся вперед с впечатляющей скоростью.

13... 12...

Изо всех сил я пнул повара подошвой сапога в обширное седалище.

11... 10...

Они вошли в соприкосновение как раз на уровне дверного проема и вступили там в скоротечное противоборство. Скорость Мармадука была много выше скорости моего подопечного, но зато вес последнего намного превышал вес вышибалы. Победил вес.

9... 8...

Повар завалил вышибалу и прижал его животом к полу, как давеча меня – к стене.

7... 6...

Я поднял глаза. Из коридора набегал коротышка, шарящий рукой за пазухой синей форменной куртки. Я решил не узнавать, что у него там спрятано, и, схватив с пола половник, швырнул его.

5... 4...

В лоб, как хотелось, я, конечно, не попал, но деревянная ручка угодила Вени куда-то в район кадыка. Хрюкнув, он уселся на пол.

3... 2...

Пол дрожал, на пирамиде горела надпись:

ПРИМИТЕ УДОБНОЕ (УСТОЙЧИВОЕ) ПОЛОЖЕНИЕ.

Волосатый выбирался из-под повара и уже почти выбрался...

1...

СТАРТ!

Пол качнулся, я вцепился в дверной косяк. Желто-зеленая башня с освещенным проемом, к которому мы были пришвартованы, начала отдаляться. В этот момент Мармадук, высвободив ногу, совершил акробатический трюк, сложный не столько по технике исполнения, сколько из-за величины приложенных усилий. Он прыгнул. Я бы так не смог.

Пальцы Мармадука вцепились в нижнюю планку дверного косяка. Пальцы были длинными, с острыми костяшками и плоскими, коротко подстриженными ногтями.

Наклонившись, я глянул на него, он, задрав голову и подтягиваясь, – на меня. Наши взгляды встретились. Он оскалится, обнажив два подпиленных клыка. Я кивнул ему.

Потом подпрыгнул и впечатал каблуки своих шикарных рыжих сапог в острые костяшки его пальцев.

Он заурчал и разжал пальцы. Пальцы выскользнули из-под подошв, волосатое тело унеслось вниз, со звоном и трес-

ком рухнуло на один из столов.

Подняв глаза, я увидел, что из освещенного проема в башне на меня смотрят Вени с поваром. Я сжал пальцы левой руки в кулак, согнул ее в локте так, чтобы кулак оказался на высоте моего носа, и сильно хлопнул по бицепсу ладонью правой. Потом развернулся и захлопнул дверь.

* * *

Как всегда после драки, чуть дрожали руки. Сидя на полу возле эркера, я несколько раз глубоко вдохнул, успокаиваясь, и достал флягу. Обдумывать произошедшие события не было уже никаких сил, я устал удивляться и потому просто смотрел наружу.

Воздушный трактир выглядел теперь как пятнышко света, но вскоре исчезло и оно. Мы летели над черным пространством с изредка проплывающими размытыми светлыми пятнами – я наконец-то понял, что это крупные города, в которых по ночам горели газовые уличные светильники. Впереди, на фоне чуть более светлого неба, уже возникли темные контуры гор. Большая часть расстояния между Белянами и Эльханским кряжем осталась позади. Великий Ливий, скакой же скоростью мы летели, если, для того чтобы преодолеть то же расстояние, скажем, в запряженной повозке, надо потратить больше месяца!

Размытые пятна стали появляться все реже, а затем и во-

все исчезли. Сей факт, как я понял, означал, что под нами теперь тянулись предгорья, где никто, кроме совсем уж диких горцев, не подчинявшихся даже власти Его Пресвятейшества, не жил. Горы быстро увеличивались, перестали смахивать на вырезанные из черного бархата плоские конусы, приобрели объем и рельеф. Башня устремилась вперед по огромной дуге, меня прижало к эркеру. Горы нависли со всех сторон, стали смутно видны поросшие редким кустарником склоны и снег на вершинах. Я потерял всякое понятие о направлении – башня петляла, двигаясь по ей одной известному маршруту. Мы очутились в настоящем горном лабиринте, темном, загадочном и мрачном. Пролетели над узким ущельем, в глубине которого выл и стонал ветер, преодолели вереницу пологих вершин и опустились к другому ущелью, на дне которого шумел горный поток.

Башня полетела между отвесными склонами, и если бы я мог открыть эркер, то при желании дотянулся бы до них рукой. Так мы двигались некоторое время, а потом в одном склоне я заметил прямоугольный портал, слишком правильной формы, для того чтобы возникнуть по естественным причинам. Внутри портала было темно, и я понял, что его размеры лишь чуть больше размеров башни. А она повернулась вокруг оси, так что портал исчез из виду, и медленно влетела в него. По крыше застучали мелкие камешки. Портал, в котором, как в окне, виднелся противоположный склон, постепенно уменьшался и вскоре исчез. Стало совер-

шенно темно, но тут зажегся алый глаз. Башня остановилась, пирамида на панно замерцала, появились слова:

КОНЕЧНАЯ ОСТАНОВКА. СТАНЦИЯ РД (Б-1).

Особенно громкое стрекотание донеслось из шкафа – и смолкло.

В зеленом свете я подошел к двери, открыл ее и шагнул наружу – в темноту. Но темнота длилась недолго.

Вспыхнул яркий белый свет.

* * *

Я стоял в круглом помещении с гладкими белыми стенами и низким потолком. На потолке висели светильники – длинные белые трубки. Передо мной находилась дверь с круглой ручкой. Я оглянулся. Видимый в проеме участок стены летающей башни, темно-коричневый, в трещинах, со все еще раскрытой деревянной дверью, казался здесь совершенно чужеродным предметом. Стояла тишина, лишь светильники тихо, монотонно жужжали.

Я подошел к двери, рассматривая ее. Помимо круглой ручки имелась еще небольшая решетка с такими узкими ячейками, что через них ничего нельзя было разглядеть.

Не знаю, так это или нет, но, наверное, я мог бы сейчас вернуться и нажать на алую стекляшку, в результате вспыхнули бы слова «КОНЕЧНАЯ ОСТАНОВКА: БЕЛЯНЫ» или что-нибудь в этом роде, после чего башня вернула бы меня

обратно. Но на деле... Обилие чудес притупило способность удивляться. Я уже не удивлялся, но испытывал жгучее любопытство, смешанное с мыслями типа «чем здесь можно поживиться?». Башня, в конце концов, никуда не денется...

Я потянул за круглую ручку, и тут из решетки на двери донесся булькающий, с металлическим призвоном голос:

– Добрый вечер, смотритель Халай. Напоминаю...

Я отпрянул и ошарашенно перебил его:

– Эй! Это кто говорит?!

– Говорит охранный люм станции РД (Б-1) «ПОРХИ-ВС, ТРИ». Напоминаю...

– Порхи? – опять перебил я. – Порхи Вээс Третий? Тебя так зовут? А зачем ты сидишь в двери?

Пауза.

– Вопрос не кодируется. Говорит охранный люм станции РД (Б-1) «ПОРХИ-ВС, ТРИ». Напоминаю, что сегодня ночь ежеквартальной ревизии. Визит инсайдера можно ожидать в промежутке между двадцатью пятью и двадцатью шестью часами сопредельного времени. Кроме того, подошел срок смены базового кода доступа. Какое сочетание символов вы предложите?

– Чего это? – не понял я.

– Базовый код доступа принят, – монотонно пробулькал он и замолк.

Я подождал, затем спросил:

– Ну, и что дальше?

Голос откликнулся после паузы:

– Добрый вечер, зритель Халай. Говорит...

– Я понял, кто говорит. Привет, Порхи. Мы, кажется, уже здоровались. Я спрашиваю, что дальше?

– Вопрос не кодируется.

– Ну ты... кодировщик! Мне можно войти?

– Электрозамки внешнего тамбура дезактивированы.

Я еще подождал и, решив принять последнюю тарабарщину за разрешение, потянул ручку. Очень легко, без скрипа, дверь открылась, и я перешагнул через порог. Над головой вспыхнули трубчатые светильники, – наверное, их включал тот, кто сидел в двери, – озарив длинный, изгибающийся белый коридор. Я осмотрел дверь. Широкая... но все же человек, который смог поместиться в ней, должен голодать с раннего детства.

– Эй, Вэс Третий! – позвал я.

– Добрый вечер, зритель Халай, – задолдонил он опять.

– Ты очень вежливый. Слушай, не тяжело стоять там внутри?

Пауза.

– Вопрос не кодируется.

– Ладно, ладно. Скажи, здесь, в этой «эр-дэ» есть кроме меня и тебя еще кто-нибудь?

– На станции присутствует одна высокоорганизованная разумная особь.

– Это кто же такой будет? Я, что ли? Я впрямь высокоорганизован, но вряд ли разумен, раз забрел сюда... А ты?

– Вопрос не кодируется.

– Да ну тебя! – рассердился я. – Все, Третий, сиди себе тут дальше, а я пошел!

Он промолчал – обиделся, наверное. Я осторожно приоткрыл дверь и двинулся по белому коридору, на всякий случай грея в ладони рукоятку бритвенного ножика. За поворотом обнаружилась прикрепленная к потолку светящаяся вывеска с красными буквами:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ДРУГ(ПОДРУГА)!

ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ЛЕГАЛЬНОЙ РД-СТАНЦИЕЙ

**ПОД ПРОТЕКТОРАТОМ ЭГИДЫ – ВСЕ РАВНО ЧТО
СПАТЬ С ЗАКОННОЙ(НЫМ) ЖЕНОЙ(МУЖЕМ) – ПРИЯТНО И НЕ ПРЕДОСУДИТЕЛЬНО!**

СТАНЦИЯ-1 В ТВОЕМ РАСПОРЯЖЕНИИ.

ЛИЦЕНЗИЯ ЭГИДЫ № 315/21-7: ГВ-5.

ОСТЕРЕГАЙСЯ НЕЛЕГАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ!

Прочтя это, я пожал плечами и зашагал дальше. Коридор круто повернул, впереди раздалось жужжание. Я остановился. Жужжание усилилось, из-за поворота выкатился блестящий ящик на колесиках. Из верхней его части торчала Г-образная трубка со стекляшкой на конце. Трубка повернулась ко мне. Я попятился к стене, выставив перед собой ножик. Ящик подкатил ближе и остановился.

– Пшел! – сказал я и неуверенно толкнул его ногой.

В передней части ящика открылось отверстие, оттуда появилась клешня и схватила за носок. Из другого отверстия вылез гибкий шланг и, окатив сапог струйкой густого желтого вещества, убрался назад. Возникла щетка на гибком пруте и принялась чистить. Через несколько секунд клешня разжалась, и я поспешно отдернул ногу. Сапог блистал. Ящик стоял на месте, выжидаяще жужжа. Я поднял другую ногу. Операция повторилась, после чего ящик последовал дальше по коридору, а я – в другую сторону, поскрипывая сияющими сапогами и глупо улыбаясь.

Впереди коридор разветвлялся натрое, один рукав вел прямо, а два изгибались вверх и вниз. Они заканчивались лестницами, там висели светящиеся вывески:

АВАРИЙНЫЙ ВЫХОД. ПРИ НАВОДНЕНИИ.

АВАРИЙНЫЙ ВЫХОД. ПРИ ПОЖАРЕ.

А на том проходе, что вел прямо:

СТАНЦИЯ РД (Б-1) – ДАЛЬШЕ.

Я пошел прямо и вскоре очутился перед белой дверью, такой же, как и первая. Уже без всяких переговоров с Порхием Третим толкнул ее и вошел. Как и раньше, вверху вспыхнули светильники, и, оглядевшись, я понял, что наконец попал на эту самую таинственную «эр-дэ, бэ-один».

* * *

Помещение было таким же круглым и белым, но куда

просторнее. Ближе к двери находилась мебель: два столика, несколько стульев, кресла, диванчик и стоящий торчком белый железный ящик. Но гораздо большее внимание привлекали два аппарата посередине комнаты.

Когда-то, пребывая еще в стенах пансиона, я видел микроскоп – штуковину, с помощью которой, если смотреть в его верхний окуляр, можно разглядеть всякие мелкие финтифлюшки, находящиеся под нижней линзой, и в обычных обстоятельствах неразличимые. Так вот, один из аппаратов, стоящих в этой комнате, сильно смахивал на тот самый микроскоп, только значительно крупнее, почти в человеческий рост. На панели управления – так, по-моему, это называлось – располагались кнопки, какие-то кругляшки, квадратные пипочки, рычаги и стеклянные оконца с цифрами, а под линзой, в том месте, куда у миниатюрного аналога всовывалось стекло с мелкими финтифлюшками, стояла железная койка на колесиках. Вместо линзы блестело стеклянное полушарие молочно-белого цвета. Я дотронулся до него костяшками пальцев, почувствовал колкий укус и отдернул руку.

Второе устройство напоминало воздушный трактир, где я повстречался с недружелюбной троицей, но, наоборот, в уменьшенном варианте: металлическая круглая площадка с перильцами по краю и вертикальной штангой в центре. От верхнего конца штанги к перильцам тянулись провисающие провода. А еще...

Я присмотрелся внимательнее. Наверху, в напоминав-

шем цветок гнезде штанги, лежал серебристый многогранный кристалл. Чувства типа «чем здесь можно пожить?» немедленно взыграли во мне. Камень или кристалл был большим, я таких не видел, и если он драгоценный...

С интересом разглядывая его, я обошел площадку. По другую сторону от перилец к стоящему рядом зеленому металлическому кубу тянулись разноцветные переплетающиеся провода. На кубе имелись такие же кнопки-кругляшки и оконца с цифрами, как и на панели управления «микроскопом», но пока я оставил все это без внимания, сосредоточившись на камне-кристалле. С площадки мне его не достать... А если забраться по штанге? Она железная, должна выдерживать... Хотя, конечно, удобнее поставить стул... Точно, так и сделаем. Интересно, как закреплен этот камушек? И крепко ли? Надо попытаться...

Одновременно погасли все светильники, и я услышал мягкие шаги в темноте у себя за спиной.

* * *

Жизнь я всегда вел веселую, с приключениями, и, заслышав неожиданные шаги, обычно реагировал нервно и быстро.

Шарахнувшись в сторону, я перевалился через перильца и упал на круглую площадку. Раздался лязг, площадка дрогнула – что-то железное с силой ударило по перильцам. Нашаривая в кармане бритвенный ножик, я пополз по-пластун-

ски. В темноте раздался хриплый возглас досады. Нашупав рукоять ножика, я выдернул его из кармана, вскочил, перепрыгнул через перильца и развернулся.

Темнота царила кромешная, но, судя по быстрому звуку, ко мне кто-то приближался. Я взмахнул ножиком, вновь раздался возглас, и над моей головой, задев волосы, что-то пронеслось. Я еще раз полоснул лезвием тьму, отпрыгнул, упал на пол, перекувырнулся, опять встал на ноги и истошно завопил:

– Порхи!!!

– Добрый вечер, смотритель Халай, – донеслось со стороны невидимой двери приглушенное бульканье.

Я почувствовал, как на мой голос кто-то бесшумно бежит в темноте, и вновь прыгнул, но неудачно: врезался во что-то плечом и головой, да так, что лязгнули зубы.

– Включи здесь свет, Порхи! – заорал я, поднимаясь на ноги.

Рядом загудело, и прямо в воздухе замигали красные буквы:

I. ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ПОКРОВОВ.

Опять в темноте раздались быстро приближающиеся шаги.

– Включи свет на станции!!! – Мой голос сорвался на визг.

Гудение продолжалось, красные буквы исчезли, сменившись другими:

II. ДИЛЕГАЛИЗАЦИЯ ПОКРОВОВ.

Шаги замерли где-то рядом.

Вспыхнули белые светильники, и я ослеп, но лишь на мгновение.

Я стоял возле гудящего «микроскопа», который, кажется, ненароком включил в момент удара. Красные буквы горели в светящемся стеклянном прямоугольнике на панели управления. Я выглянул из-за аппарата.

По другую его сторону, полусогнувшись, сжимая в длинной руке толстый металлический стержень, стоял лысый, безбровый мужик с низким лбом, оттопыренными круглыми ушами и безумными красными глазами. Одет он был лишь в широкие штаны. Левую щеку пересекала оставленная бритвенным ножиком неглубокая рана. Из нее сочилась густо-вишневая кровь, какой не бывает у обычного человека.

Незнакомец поднял голову, красные глаза встретились с моими. Оскалившись, он ринулся в обход «микроскопа», но именно этого я и ожидал, а потому вовремя ударил ногой по койке на колесиках. Она въехала противнику в живот и перевернулась. Заурчав, он согнулся. Я прыгнул вслед за койкой, занося ножик над головой, но красноглазый резко выпрямился, попав макушкой мне в подбородок. Я прикусил язык и отшатнулся. Противник обхватил меня за торс, а стержнем, хотя и не слишком сильно – из такого положения невозможно нанести сильный удар, – вмазал по плечу. Оно мгновенно онемело, и пальцы разжались сами собой, выпустив ножик.

Противник замахнулся второй раз, я, выставив ногу, присел и крутанулся, опрокидывая его через колено. Он рухнул на спину, я повалился на него, но красноглазый с обезьяньей ловкостью откатился, так что я с размаху ударился о пол. Ноги пронзила молния судороги, я взвыл и на четвереньках пополз к нему. Он уже успел встать на колени, замахиваясь стержнем, когда я вцепился одной рукой в волосатую кисть, а другой уперся в грудь и нажал, пытаюсь опрокинуть его на спину. Некоторое время мы стояли так, поедая друг друга взглядами, а потом он резко подался назад, одновременно поворачиваясь. Мы оба упали, и я ударился о пол тем же плечом, которое противник навернул стержнем. Оно, впрочем, уже и так онемело, так что ничего нового я не ощутил. Красноглазый громко кряхтел, изгибаясь и пытаюсь вывернуться из моих дружеских объятий. Неожиданно его оттопыренное мясистое ухо оказалось в опасной близости от моего лица. Я ожесточенно вцепился в него зубами. Раздался хруст, во рту возник соленый привкус крови и какой-то тугой комок появился на языке. Отдернув голову, я с омерзением сплюнул и тут обнаружил, что откусил ему мочку – начисто.

Красноглазый завизжал, оттолкнул меня и попытался вскочить, но стукнулся затылком о выступающую часть «микроскопа». Боль в ухе и этот удар на пару секунд отключили его, и я смог, уложив противника на спину, прижать его руку со стержнем к полу и вцепиться в горло. Краем глаза я заметил, что стеклянная полусфера в аппарате пульсиру-

ет бледным светом и от этого на полу периодически возникает световой круг. Тут противник попытался ударить меня коленом, я быстро уселся на него верхом. Он, мучительно скривившись, стал извиваться, и в результате его голова на мгновение попала в световой круг.

Я сжимал его горло. Безумные глаза незнакомца выпучились, лицо налилось венозной кровью, он широко разинул рот, пытаясь вдохнуть. Чувствуя, что скоро он вырубится окончательно, я усилил хватку. Его лицо изменилось. Я вгляделся, и волосы на моей голове зашевелились.

Кожа погрубела, на ней, как гейзеры, стали появляться прыщи, оспины и лиловые пятна, а затем кожа стекла подобно расплавленному воску; ноздри расширились, из них полезли желтые волосы; на лысом черепе, словно змеи, зашевелились коричневые, быстро растущие пряди, из щек, из подбородка, отовсюду полезли клоки шерсти... Я чуть не выпустил руку со стержнем, монстр дернулся подо мной, стараясь высвободиться, и тогда произошло самое жуткое.

Глаза его, до того остававшиеся без изменений, сузились, скрылись за складками кожи, потом кожа срослась над ними – одно остановившееся мгновение я оторопело смотрел на невероятную безглазую образину, – а затем на бугристом лбу точно посередине прорезалась щель, быстро расширилась, и на меня уставился круглый безумный глаз с покрытым сеточкой красных прожилок белком и вытянутым кошачьим зрачком.

Это был тот самый одноглазый урод, изображение которого я видел на панно в летающей башне.

Я отшатнулся, выпустив лапу монстра, лапа эта взметнулась вверх, стержень блеснул, в моей голове что-то взвизгнуло, стены круглой комнаты качнулись и исчезли.

Глава 5

– По-бу-да-борку... пой-бу-на-дорку, – речитативом бубнил голос где-то рядом.

Я безразлично рассматривал бледные пятна, плавающие под веками, слушал гул, царящий в голове, и голос, прорывающийся сквозь этот гул.

Гудели колокола, звенели литавры, пароходная сирена то и дело издавала какой-то неведомый сигнал, а над всем этим звучал мощный, ни на секунду не прерывающийся низкий органнй звук. Орган стоял в колонном зале пансиона Зарустры Ливийского, а органист, брат пансионного старосты, был вечно пьян и безбожно фальшивил. Наверное, опять напился, решил я. Впрочем, органа-то никакого нет, это я сам напился. Хотя и это не так, я был пьян раньше, а потом, кажется, успел протрезветь – или не успел? – но тут меня ударили железным стержнем по башке...

– Пой-ду-ба-нагру... най-ду-па-дагру, – бубнил голос.

...И ударил меня мужик с круглыми ушами и густой вишневой кровью... Или не мужик? У обычных мужиков, как правило, не бывает единственного глаза во лбу... Я припомнил, как кожа стекала с его лица, и у меня вновь возникло ощущение, что я все еще нахожусь в камере, лежу на твердых деревянных нарах... И правда, где это я? Который сейчас час?.. Час сейчас... Надо встать – вон. кажется, света-

ет уже... Впрочем, это не рассвет, это горят трубчатые светильники на потолке...

– Пойду на Горку, – отчетливо произнес голос где-то рядом. – Развеюсь. Нет ничего лучше в этой дыре, чем ресторан «На Горе»! Ха, каламбур!

«Бур... бур... бур...» — отозвалось эхом в моей голове, и я открыл глаза.

Я лежал на круглом столике, лицом вверх, свесив ноги. Голова болела.

– Оклемался, парень? – произнес тот же голос. – Кто это тебя так?

Я медленно сел. Тут же начало тошнить.

Трясушимися руками полез в карман, достал флягу и после минутной борьбы с крышкой вылил половину содержимого в рот. По мере того как огненная жидкость проникала в желудок, из затылка медленно вытягивался раскаленный металлический прут. Я застонал – прут оказался очень длинным.

– Вот это правильно! – сказал голос. – Это по-нашенскому! Лучшее средство против любых недомоганий... не считая, конечно, патентованной присыпки «Туберкулезная палочка – II» фирмы «Макой, Стафилококк и К°». Ага... дай-ка и мне хлебнуть!

Прут наконец закончился, и раскаленная до вулканических температур пульсирующая болью дыра в затылке начала медленно затягиваться. Боль не прошла, но притупилась,

а вот тошнить стало сильнее. Сдерживая спазмы, я повернулся и наконец увидел говорившего.

В кресле передо мной сидел человек как человек. Не низкий, не высокий, не толстый, не худой, не лысый, но и не слишком-то волосатый. Одет в мышинового цвета пиджак с перламутровыми пуговицами, белую рубашу, черные, несколько коротковатые, мятые брюки. Из-под них виднелись белые носки и черные остроносые штиблеты на высоких каблуках. Лицо его показалось мне знакомым.

Я протянул флягу, незнакомец взял ее, поднес горлышко к бледным губам и отхлебнул.

– Це два аш пять о аш? – непонятно спросил он. – Попоплам с обычной аш два о? И еще, наверное, какие-нибудь пикантные примеси вроде токсинов и смол? Нормально! Люблю я эти «це» и эти «аш»! – Он задвигал бровями, будто говоря: «Что уж тут! Так уж вот!» Единственное, что есть хорошего во всей Бьянке!

Он еще раз хлебнул и протянул мне флягу. Я попытался взять ее – раз, второй – и оба раза промахнулся.

– Э, да у тебя сотрясение, – сочувственно сказал незнакомец. – Мозгов, я имею в виду. Радуйся, значит, было чему сотрясаться. Но, скорее всего, слабое, потому как ежели б сильное, то ты даже не смог бы встать. Тошнит?

Я кивнул.

– Ну, не беда. Попробуй, пройдишь...

Я слез со стола и медленно обошел его, шатаясь и придер-

живаясь рукой.

– А где старая перечница Халай?

– Я дне... на... не жнаю... жнаю, гдо такой Ха-Халай... Я... уф-ф! – Расстроено махнув рукой, я присел на край стола.

– С трудом формулируешь свои мысли в связную речь? – прокомментировал незнакомец. – Бывает. Без всякой энцефалограммы могу определить, что ты стукнулся правой половинкой своего мозга. Знаешь, почему это я так быстро определил? Потому что левая половина отвечает за фантазию, абстрактное мышление и разную другую дребедень, а правая – за координацию и речь. Координация у тебя сейчас, прямо скажем, паршивая, а от речи осталась одна невнятная слышимость. Вот так-то. Логично?

– Ло... ично, – пробормотал я, силясь понять, о чем он говорит.

Обрадованный поддержкой с моей стороны, незнакомец продолжал:

– А я вообще от природы логичный, как не знаю кто. Если хочешь знать, все разумные существа, – тут он подмигнул, – нашего, во всяком случае, с тобой пола сподобились по возможности мыслить и действовать логично. Это их, разумных существ, – последовало второе подмигивание, – нашего с тобой пола, привилегия. Я бы очень удивился, если бы какое-нибудь существо, разумное существо мужского пола, вздумало вдруг мыслить нелогично. «Пфе! – сказал бы

я обязательно ему. – Что же это ты, браток? Какое же ты после этого мужское существо?» Постой, а я не перепутал? Действительно, правая половина за... а левая за... или наоборот? – Он раздумчиво покрутил пальцем у виска, вспоминая. – Впрочем, не суть важно. Коль скоро у тебя лишь слабое сотрясение, то и пройти оно должно быстро. Выпей еще – полегчает.

Я наконец смог взять у него флягу и выпил. Полегчало и впрямь настолько, что я даже перебрался в кресло и сумел спросить:

– Гдо... ты дакой?

Незнакомец вскочил, схватил мою безвольную руку, потряс ее, снова сел и представился:

– Мун Макой. Совладелец, торговец, коммивояжер и куча другого-всякого. На Бьянке по торговым делам.

– Где бо... делам? – не понял я.

– Здесь, на Бьянке. А ты кто, парень?

– У... ух! – сказал я и, сосредоточившись, поправился: – У-иш... Салоник...

– Салоник? У-иш? Поразительное имя! Что ж, замечательно...

Мы помолчали, искоса разглядывая друг друга. Его голова двоилась перед моими глазами.

– Так где же все-таки Хлор? – поинтересовался Мун Макой.

Я тяжело вздохнул:

– О к-каком это Х-хлоре вы в-все по... постоянно т-толкуете?

– Ну как же, Хлор Халай, зритель этой РД-станции! Ты, У-иш, разве не знаком с ним?

– Уиш, – поправил я. – М-может быть, Х-хуансло Хит?

– Хуансло? А, да-да, здесь он, кажется, звался именно так. Хуансло Хит, точно.

– Т-так он умер. – Я говорил уже почти нормально.

– Умер? – изумился Макой. – Как умер? Ты его убил?

– Б-безумной травы вы все пообкуривались, ч-что ли? – рассердился я. – Н-ни разу в жизни н-никого не убивал, х-хотя кое-кого и н-надо было бы! Он умер, п-понимаешь? Со-своей смертью!

– Ну и ну! – Мун Макой откинулся в кресле и изумленно почесал нос. – И давно?

– В-вчера были похороны.

– Надо же! А кто эти «все», обвиняющие тебя в убийстве?

– К-кроме тебя – му... мужик с половником и еще два кретина, один маленький, а д-другой во-олосатый как обезьяна, в синих – ха! – трусах.

Макой, воспринявший известие о смерти Хита довольно легко, хохотнул:

– Интересные у тебя знакомцы!

– Н-ни какие они м-мне не знакомцы. Му-у... Мун, если ты знал Хита, то объяснишь мне одну вещь?

– Какую? – с готовностью откликнулся он.

Я набрал в свою ослабевшую грудь побольше воздуха и что было сил заорал:

– Какого, трамтарарам, здесь вообще происходит?!!

– Говори громче, – нахмурился Макой. – А то я в последнее время что-то стал туговат на среднее ухо. Что здесь происходит? Здесь, – он огляделся, – вроде бы все нормально. За исключением, конечно, того, что Хлор внезапно скопытился. Что конкретно тебя волнует?

– Конкретно? Конкретно... Я, ну... – Меня волновало настолько многое, что трудно было что-то выделить. – Ну, например... да хотя бы этот... этот трактир!

– Трактир?

– Ну, я так понял, что это трактир. Он висел в воздухе...

– Ты имеешь в виду «На Горе»? Да, это трактир, вернее ресторан, и я... – Тут он хлопнул себя по лбу и рассмеялся: – «Мужик с половником, маленький, волосатый в трусах»... Ну конечно, как я сразу не догадался! Это ведь повар Жогль, администратор Вени Шилд и охранник Мармадук. Они что, побили тебя? Ну-ка, расскажи все по порядку, а я потом отвечу на твои вопросы....

– Рассказать? – переспросил я.

– Конечно, расскажи все. Давай с самого начала.

– Вообще-то я их побил, а не они меня. И я рассчитывал, что это ты мне что-нибудь расскажешь... Ну ладно, могу первый. Так вот, слушай... – Я стал рассказывать.

Бегло коснувшись обстоятельств моего ареста и трехме-

сячного заключения, я продемонстрировал одежду и сапоги, вполне одобренные Макоем за фасон и качество кожи. Объяснил, что намеревался встретиться со своим скупщиком. Рассказал об исчезновении тела кузнеца, о том, как обнаружил труп Хуансло Хита, сиречь Хлора Халая, о мерцающем глазе волосатого чудика на панно и о том, как нажатие на этот глаз привело к тому, что башня взлетела. Затем я описал краткую остановку в воздушном кабаке, потасовку с его персоналом...

– Стоп! – перебил Макой. – Я так и не понял, ты обучен грамоте или нет?

– Конечно, обучен, – обиделся я. – Что ж я, по-твоему, совсем болван? То письмо от Хуансло Хита на самом деле я и написал, когда увидел, что он мертв. Нашел обрывок пергамента с его почерком и подделал... мне не впервой. Надо же было как-то объяснить мое появление в Белянах и подтвердить, что мы родственники. Никто ничего не понял, кроме старейшины. Он-то заметил, что пергамент совсем новый, даже на сгибах не потерт, а я ведь говорил, что получил письмо месяца за два до того... Но старейшина виду не подал... Ладно, сейчас это уже не важно... – Я продолжил рассказывать про остановку летающей башни, про коридор и про сидящего в двери Порхи...

– погоди! – опять перебил Макой. – Что это за сидящий в двери Порхи?

– Он сначала был в наружной двери, а потом как-то очу-

тился в другой, вот в этой. Он и сейчас, наверное, там. Это парень по имени Люм...

– Парень по име... – Он непонимающе уставился на меня, а потом вдруг громко и радостно захохотал.

– Чему мы обязаны этим бурным проявлениям восторга? – сухо осведомился я. – У тебя внезапно скончалась любимая, но богатая бабушка?

Мун Макой утер слезы.

– Плоская шутка, несмешная... Извини, Уиш. Люблю пошутить, если есть повод, – полезно для организма. Надо же было такое ляпнуть! Это просто «ПОРХИ» серии ВС, третьего поколения. Охранный люм.

– Тоже мне охранник! – фыркнул я. – Он же слепой, как крот!

– Конечно, в этой модификации отсутствуют визуальные рецепторы, но зато есть датчик контроля регистрационного поля прайтера. Не понимаешь? Это просто машина, умная говорящая машина, созданная людьми, а «люм» – не имя, а наименование всего класса подобных машин. Как, допустим, паровозы, корабли и тому подобное. И он не сидит в стене, решетка, из которой ты слышал голос, – динамик.

– Говорящая машина? – с сомнением повторил я.

Идея созданного людьми устройства, которое могло бы самостоятельно говорить, была абсолютно неожиданна. Как и летающая башня, оказавшаяся теперь «прайтером», подобный аппарат не могли бы сконструировать в Ливии. Конечно,

пару раз я видел фонограф, используемый во время церковных служб в пансионе, но это ведь совсем другое дело: громоздкий агрегат, внутри которого крутился валик с зазубринами, выдавал что-то шипящее и отдаленно напоминавшее органную музыку, но ни о каких связных ответах на вопросы и речи не шло.

– Умная говорящая машина? – Тут я, как мне показалось, нашел веское возражение: – Ха, умная! Почему же он тогда не смог отличить меня от Хуансло или, по-твоему, Халая?

– По тембру голоса он не ориентируется, а ты прибыл на прайтере смотрятеля. Я же говорил, что у модификации «Порхи» есть внешний контрольный датчик. Кроме того, ты, видимо, назвал базовый код доступа...

– А, это... Ну, он сказал, что сегодня как раз время смены кода, и попросил назвать новый.

– Видишь! Тем более ты вышел из личного прайтера Хлора... Датчик определил регистрационное поле прайтера смотрятеля, и люм принял тебя за него... Вполне понятно, продолжай...

– Еще была эта зверская штуковина, которая схватила меня за сапог и...

– Просто механический чистильщик обуви, – отмахнулся Макой. – Все для удобства клиентов, понимаешь ли. Дальше...

– Я зашел сюда, стал осматриваться, и тут на меня напал мужик в штанах...

– Какой мужик в штанах?

– Если бы знать какой... Но он не представился.

– Ты видел его раньше?

– Ни разу.

– И он вдруг напал на тебя...

– Точно.

– Как, интересно, он очутился здесь?

Я немного подумал над этим и сказал:

– Знаешь, теперь мне кажется, что он был в шкафу.

– В шкафу?

– Да, здоровенный шкаф в комнате, которая взлетела... в этом, в прайтере. Ведь именно там находится управление? Правда, я ничем не управлял, но ведь такая штука должна как-то управляться...

– Правильно. На прайтере Халая консоль управления спрятана от любопытных в шкафу.

– Так вот, этот самый шкаф был заперт, и я не смог его открыть, в замочную скважину не пролезал даже тонкий гвоздь, хотя должен бы пролезть. А еще раньше, до того как башня взлетела, мне показалось, что в ней кто-то ходит... Наверное, тот самый мужик! Но подо мной скрипнула ступень, он услышал, заперся в шкафу и вставил ключ в скважину, чтобы нельзя было отпереть снаружи. Значит, весь полет он находился там! Святой Деметриус! А где он взял ключ?

– По-моему, Хлор обычно хранил его в ящике стола. Просто этот человек наткнулся на него раньше тебя. И тут, зна-

чит, он напал?..

– Да, он напал неожиданно...

– И. ты дал ему огреть себя...

– Я его повалил, я сидел на нем и уже почти придушил, но тут его рожа попала под луч вот этой штуки... – Я показал на «микроскоп». – А еще раньше, при ударе, я случайно включил ее... Так вот, его кожа вдруг будто стекла с лица, и он превратился в настоящее чудище, такое же, что изображено на панно в башне... Это было так неожиданно, что я на секунду растерялся, и он успел треснуть меня.

– Эта, как ты выражаешься, «штука» – зрительный камуфляжец «NAMELEON-ZET» консорциума «ELEKTRIKUM MAGIC». Стандартное оборудование любой РД-станции. Когда я появился здесь, ты лежал на полу в отключке, а камуфляжец работал в режиме дилегализации покровов. Я перетащил тебя на стол, а его выключил. Жаль, если бы не выключил, то на контрольном мониторе зафиксировалось бы изображение легализованных и дилегализованных покровов последнего объекта. Ну да ладно, и как натурально выглядел этот хитрый агрессивный мужик в штанах?

– У него была коричневая бугристая кожа в прыщах, куча волос... И, Мун... – Я понизил голос до шепота: – Мун, у него был один глаз! Вот здесь, на лбу!

Секунду Макой смотрел на меня, а затем вдруг рявкнул:

– Циклоп!

Я вздрогнул.

– Большой Конгломерат! – воскликнул он. – Серьезней, гораздо серьезней! – Он нахмурился и задумчиво ухватил себя за кончик носа. – Если циклопы смогли выбраться из... И что, интересно, ему понадобилось на Бьянке? Плохо дело...

«Бьянка», «электрическая магия», «дилегализация покровов», «камуфляжец», «циклопы» – я не понимал почти ничего из того, что говорил Мун Макой. Мне хотелось схватить его за шиворот и потрясти, но, сдержавшись, я хлебнул из фляги и спросил:

– Так что же, в конце концов, все это означает?

– А? – задумчиво откликнулся Макой. – Н-да, веселенькое у тебя вышло приключение, ничего не скажешь. Но особо не волнуйся. Просто ты по недоразумению попал на прайтер Халая и случайно включил его, прикоснувшись к сенсорной плоскости, замаскированной под глаз циклопа на панно. Что ты там еще хотел узнать? Насчет ресторана? Пожалуй-ста, я разьясню тебе. Хлор подрабатывал разными способами. Перепродавал гостям местные безделушки, которые ты и другие вроде тебя приносили ему. А еще по совместительству работал поставщиком – привозил в «На Горе» кое-какие продукты... Разные местные деликатесы ценятся у гостей-гурманов, знаешь ли. И чтобы каждый раз не управлять прайтером вручную, он запрограммировал автопилот на остановку возле ресторана, благо тот находится как раз по пути к РД-станции. И когда Жогль увидел тебя в личном

прайтере Хлора, он резонно решил, что ты угнал машину, быть может прибив перед этим старика... Его можно понять, я бы, наверное, и сам так решил. Что еще? Ты спросил, «что за трактир, который висит в воздухе»? Понятия не имею, как он висит. Что они за принцип там используют, реактивный, или направленную антигравитацию, или что-нибудь еще... Не знаю, да и какая разница? Для защиты от ветра и дождя лучше всего подходят накладывающиеся магнитные поля...

Я размахнулся и с силой запустил пустой флягой в стену над головой Макой – она отскочила и со стуком упала где-то позади кресла.

– Автопилот? – возопил я. – Камуфляжец?! Накладывающиеся магнитные поля?! Антигравитация?! Я не понимаю ни одного дерьмового слова из всей той вонючей речи, которую ты мне сейчас пробулькал!!!

Мун Макой уставился на меня, и на его лице медленно возникло понимание. Он открыл рот, закрыл его, опять открыл и, наконец, произнес в крайнем изумлении:

– Слушай, Уиш, мне только что пришло в голову... Да ведь ты, кажется, даже не знаешь о сопредельных реальностях? Ты вообще когда-нибудь что-нибудь слышал о Конгломерате?

* * *

– Перекуси, Уиш, перекуси, – повторил Макой. – И выпей.

Это помогает в трудную минуту. Я тоже перекушу вместе с тобой. Да и выпью, пожалуй...

Мы расположились в креслах, на столе между нами стояли три бутылки с незнакомыми этикетками и несколько круглых железных баночек. В бутылках плескалось вино, в баночках – какие-то разноцветные пахучие смеси, довольно приятные, хоть и необычные на вкус. Все это Макой извлек из белого железного ящика, внутри которого, к моему вящему удивлению, было холодно. Я привык к тому, что некие устройства, именуемые в просторечье печами или паровыми котлами, вырабатывают тепло, но чтобы могло существовать нечто производящее холод... Это оказалось совершенно неожиданным поворотом, и я пристал к Макою, а он назвал ящик «холодильником» и принялся объяснять насчет «фреонов», но потом плюнул, так как, судя по всему, и сам был не слишком-то компетентен в этом вопросе. Мун предложил мне просто пить и есть, не вдаваясь в подробности.

– Это запасы старика, – заявил он, разливая вино по мягким и очень легким белым стаканчикам. – Он хранил их для себя и для гостей. Ему-то они теперь не нужны, а мы ведь и есть гости. Это, прошу заметить, не цинизм, а здравый смысл. Ну, за упокой...

Он выпил густую красную жидкость и шумно вздохнул.

– Может быть, мне больше не стоит, – с сомнением произнес я. – Сегодня я влил в себя уже столько...

Он перебил:

– Пей, пей. А я пока начну посвящать тебя в таинства деформации реальности.

Я выпил и занялся содержимым одной из банок.

– С чего бы начать? – стал вслух размышлять Мун. – Сам-то все это знаешь с детства и считаешь элементарным, но если объяснять несведущему человеку... да... Ну вот – что такое, по-твоему, реальность?

– Реальность? – переспросил я набитым ртом, вспоминая пансионные уроки. – Какое-то это... абстрактное понятие.

Он усмехнулся.

– Так что, мы сейчас находимся в абстрактном понятии? Реальность это, если хочешь, мир, пространство... Вот эта Бьянка – твой мир, твоя родная реальность.

– Бьянка? Мы называем ее Ливий.

– Не важно. Бьянкой называем ее мы, все остальные. Так вот, ты не подавишься при известии о том, что таких реальностей – миров, пространств, измерений, как хочешь – множество? Великое множество! Как тебе это?

– Множество? – Я медленно, чтоб не подавиться, прожевал, проглотил и запил вином. – Что значит «множество»?

– То и значит. Их очень много, и почти во всех обитают разумные и неразумные твари. Свыкнись с этим, тогда продолжим.

Но свыкнуться с подобным было тяжело, и потому я возразил:

– Много, да? Почему ж тогда никто в моей... реальности

не знает об этом?

Мун поднял указательный палец:

– Вот! Ты, на удивление просто, справился с этим. Гибкое практическое мышление... Тут мы подходим ко второму вопросу – классификация. Есть два основных пункта, по которым классифицируются реальности, и около дюжины вспомогательных. Вспомогательные нам сейчас не важны, а вот два основных запомни. Параметр первый именуется ОСВа, второй – ПРОНОм. Осведомленность и проницаемость. Разъясняю...

ОСВа – количество жителей данной реальности, знающих либо подозревающих о наличии множества других реальностей.

ПРОН – степень легкости либо сложности прохода в данную реальность из окружающих или выхода из нее в окружающие.

ОСВу принято обозначать цветами, которые варьируются от белого до черного. Всего есть пять степеней: белый, светло-серый, серый, темно-серый и черный. Белая реальность – это такая, в которой практически все аборигены осведомлены о наличии других реальностей. Черная – в которой о них не знает никто либо знают единицы из миллионов.

ПРОН определяется математическими знаками в двух положениях. Первый – знак выхода, второй – входа. Например, так: плюс на плюс – значит, доступная для прохода в обе стороны реальность. А вот так: минус на плюс, – значит, реаль-

ность, из которой сложно выйти, но в которую легко проникнуть. Все это взаимосвязано, и, как правило, два первых пункта градации совпадают. То есть, например, если реальность «плюс на плюс», то она и белая, а если «минус на минус», то обычно черная. Если вход-выход легки, то туристы, торговцы, эмигранты и тому подобные появляются сплошь и рядом, население волей-неволей свыкается с мыслью о множественности реальностей, ОСВа увеличивается, и сама реальность белеет. С другой стороны, сложности с ПРОНОм приводят к уменьшению ОСВы и реальность чернеет. Моя родная реальность Дестрея, к примеру, снежно-белая, самая что ни на есть плюс на плюс. Теоретически существуют идеально белые плюсовые миры, выход из которых может осуществить любое существо в любое мгновение и с приближающимися к нулю затратами энергии, и идеально черные, полностью минусовые, переход в которые и из которых абсолютно невозможен. Но на первые пока еще никто не наткнулся, а вторые, если они и есть, находятся вне пределов досягаемости.

– Ладно, – сказал я. – Хорошо! Отлично! Не буду возражать – поверю тебе на слово. Тем более у меня нет выбора, верно? А Бьян... я хотел сказать, мой родной Ливий, какой он?

– Бьянка – редкое исключение. Она «плюс на плюс», но темно-серая, почти черная.

– Растолкуй еще раз, что это означает?

Макой отправил под стол пустую бутылку, откупорил вторую и разлил вино по стаканчикам.

– Это значит, что вход-выход достаточно легки, но почти никто из аборигенов не осведомлен о наличии иных реальностей. Такое случается довольно редко, а причины... неблагоприятные социальные условия, религиозные табу и догмы, да много может быть причин. Я плохо знаком с местной политикой, но все, что я слышал о яркой личности Его Пресвятейшества и бурной деятельности адептов этих ваших Деметриусов Ливийских... Ну, все это говорит о существовании мощных религиозных догматов и сильного аппарата подавления. Поэтому-то жители сопредельных реальностей не спешат посещать Бьянку, те же, кто все-таки очутился здесь, маскируются под местных, а немногие владеющие ОСВой аборигены не афишируют этого. Мало кого прельщает аутодафе...

– Очень ты умно говоришь, Мун, – заметил я. – А как происходит этот твой вход-выход? Что-то вроде колдовства?

– П-фе! Какая разница, как это назвать... Ты рожу хоть мордашкой назови, смотреться будет все равно убого. Короче, реальности связаны паутиной тахионных потоков. Тахионы, это такие мельчайшие частицы... вернее, античастицы... Потому что они движутся во времени в обратном направлении... В общем, это очень сложно и тебе ни к чему. Ну и какая разница, как назвать накопление энергии в кристалле ДЕФ-машины, «стягивание» двух реальностей с помощью

потока тахионов, кольцеобразную волну деформации и переход материального тела, находящегося в ее эпицентре, из одного горизонта событий в другой? Хоть колдовство, хоть наука, хоть сокращение прямой кишки, разницы-то никакой. Я называю это наукой, да и большинство гумов тоже, но что с того? Есть реальности, где деформацию объясняют inferнальной ерундой, где аборигены танцуют в полночь голыми вокруг костров под руководством какого-нибудь дохляки-шамана. В таком мире скромного торговца вроде меня примут за демона и побыстрее проткнут копьем с серебряным наконечником. Для таких случаев и существуют камуфляжцы.

– Ты хочешь сказать, что не везде разумные выглядят как люди?

– Ну, большинство являются гумами, то есть гуманоидами – имеют две ноги, две руки и одну голову, но ты же видел циклопа. Я слышал, в одной отдаленной реальности обитают разумные кролики, а в другой – говорящие улитки.

Я заинтересовался:

– Тебе ведь тоже приходится камуфля... камуфли... пользоваться камуфляжем? А сейчас ты имеешь свой натуральный вид?

Он отпил вина и промолчал.

– Мун Макой! – Я повысил голос. – Как ты выглядишь на самом деле?

– Н-ну... ничего необычного для твоих глаз.

– А точнее? Как бы ты ее ни называл, но я хочу знать, рожа у тебя в действительности или мордашка. В смысле, морда или рожица. Сними покровы...

– Это с твоей-то ксенофобией!

– Не знаю, кто такие эта Ксена и этот Фоб, но было бы неплохо, если бы ты показался мне в своем натуральном виде.

– Ксенофобия, грубо говоря, страх перед разумом в принципиально по-иному выглядящем теле. Ты испугался даже натуральной внешности циклопа, хотя он всего лишь одноглазый и волосатый, значит, ты – ксенофоб.

– Плохой пример. Тогда это произошло неожиданно, а теперь я подготовлен всем нашим разговором. Просто интересно знать, как по-настоящему выглядит тот, с кем я сижу и пью уже столько времени.

– Кстати, давай выпьем, – вспомнил Макой и, после того как мы выпили, заявил: – Не может быть и речи о том, чтобы я сейчас занялся дилегализацией своих покровов. Это, положим, сделать легко, но накладывать их потом самому, без оператора, дело довольно кропотливое и тонкое. Я не собираюсь тратить на это кучу времени только из-за твоей прихоти. Тем более что я уже... гм... слегка опьянел.

Я был вынужден признать, что тоже уже опьянел – и не слегка.

– А хмель так же действует на тебя?

– Конечно. Атмосфера во всех реальностях схожа, основ-

ные процессы... Ну, там фотосинтез, оплодотворение, опыление – тоже, так что метаболизм живых существ одинаков.

Я не понял, что он сказал, и вновь был вынужден поверить ему на слово.

– А речь? Ты говоришь с каким-то акцентом, и многие слова я не понимаю, но все же мы используем один язык. Как такое может быть?

– Это действительно загадка, над которой до сих пор ломают головы лингвисты. В каждой реальности существует множество различных языков, но, как правило, каждый из них имеет аналог с каким-нибудь языком другой реальности... И главное, самые распространенные языки схожи... Вот ты, как считаешь, на каком языке говоришь?

– Среднеливийский городской диалект, – уверенно заявил я. – Основной язык Центрального Ливия. Ну, лично я еще немного по фене умею...

– А вот и неправда. Это слегка искаженный провинциальный *панлинг*. Существует множество теорий, а самая популярная объясняет это тем, что якобы заселение Конгломерата пошло от нескольких прарас, неизвестно откуда взявшихся и куда подевавшихся. Каждая из этих рас вроде как разговаривала на своем языке, каждая освоила некоторое количество реальностей, а потомки их в разных мирах до сих пор используют примерно одинаковые наречия. Эта теория имеет свои огрехи, но почему бы и нет? Тебя лично этот вопрос сильно волнует?

– Нисколько, – заверил я.

– Ну что, еще по чуть-чуть? – спросил Мун Макой несколько позже и, не дожидаясь ответа, разлил остатки вина.

Мы выпили и откинулись в креслах. Моя головная боль почти прошла, тошнота тоже, и я чувствовал, что неудержимо пьянею вот уже в третий раз за эту длинную-длинную ночь.

– А ресторан? – вспомнил я. – При чем тут ресторан?

– «На Горе»? Да просто ресторан для путешественников вроде меня. Что тебя удивляет?

– Но почему он висит в воздухе?

– А почему бы и нет? Во-первых, эта лучшая маскировка в вашей реальности, где авиация находится в зачаточном состоянии, во-вторых, для экзотики. Очень популярное местечко, там сходятся большинство гостей-гуманоидов. Я тоже туда заглядываю почти всякий раз, как попадаю на Бьянку.

– Да, понял, – сказал я. – Теперь понял. Ну а Хуансло Хит... Хлор Халай, мой покойный родственник, как во все это затесался он?

– Он был смотрителем РД-станции, только и всего.

– РД-станции?

– Ну, станции реальной деформации. «Б-1» значит – Бьянка, первая. Таких станций здесь мало, в этой реальности особенно не развернешься – так, мелкие операции.

– И мы, выходит, сидим на этой станции?

– Точно. В самой ее нутре... Здесь, – он махнул рукой в сторону аппаратов и чуть не сбил со стола бутылку, – находится деформационная машина, основное устройство...

– Но почему же тогда Хуансло Хит поселился за тридевять земель от станции?

– Что ж, прикажешь ему жить в горах и есть камни? Он же был цивилизованным гуманоидом, в конце концов. Какой-нибудь город для его целей не подходил, слишкомлюдно, сующая нос не в свое дело стража, любопытные соседи... В общем, слишком много шансов на то, что тебя обнаружат. У вас тут, конечно, не инквизиция, но ребята Его Пресвятейшества тоже не промах... Селение типа Белянов – промежуточный вариант, самый подходящий. Бывал я там пару раз. С одной стороны, дом на отшибе, и ночью все дрыхнут, а с другой, есть все же с кем перемолвиться словечком и при случае опрокинуть стаканчик-другой-третий.

– Но расстояние? Зачем селиться на таком огромном расстоянии от станции?

– Брось, Уиш, какое значение это имеет, если в твоём распоряжении скоростной прайтер? В доме у Хлора есть сигнализатор на радиосвязи, закамouflированный под настенные часы. Каждый раз, когда на Бьянке кто-то появлялся, автоматика включала дефмашину и посылала СОП – «сигнал-о-прибытии», а приемник сигнализатора вылавливал его из эфира. Таким образом Хлор узнавал о появлении очеред-

ного клиента. По правилам, установленным Эгидой, деформацию в серых, темно-серых и черных реальностях можно осуществлять только в ночное время суток, дабы не привлекать излишнего внимания аборигенов. Так что Хлор, ничем не рискуя, активизировал прайтер и летел сюда, чтобы взять плату за пользование оборудованием и надлежащим образом зарегистрировать вновь прибывшего... – Мун Макой замолчал и уставился на меня. – Великий Конгломерат! – произнес он после паузы. – А ведь Хлор помер, да? Кто же теперь меня регистрирует?

Глава 6

Под столом лежали три пустые бутылки, а мы сидели, развалившись в креслах, и курили сигары Муна.

– Еще немного – и попадем в Шелуху, – пробормотал он. – Прямым путем туда.

– Шел... Шелуха? – спросил я. – Это еще что такое?

– Оболочка реальности другими словами. Ученые называют ее Клипатором. У всякой реальности она есть. Выполняет функцию отхожего места и одновременно защищает реальность от разрушительного влияния внешних необитаемых полостей Конгломерата. Этакое полупространство, как яблочная кожура, окружающее любой мир. И такое же, как кожура, тонкое.

– И мы, значит, попадем туда?

– Я пошутил. Я вообще люблю пошутить, знаешь ли. Такой уж я человек, то есть гуманоид. А вообще-то там можно очутиться без всяких тахионных потоков и энергетических затрат, просто воздействуя на мозг определенными веществами...

– Вином, что ли?

– И вином тоже, хотя при помощи спиртного проделать такое тяжело. Надо напиваться каждый божий день до умопомрачения, пока извилины не переплетутся. Скорее подойдут разные галлюциногены, природные и химические. Ими

можно довести свой мозг до такого помутнения, что вообще никогда уже не выберешься из Шелухи. Будет казаться, что путешествуешь ты по неведомым землям, встречаешь фантастических тварей и переживаешь экзотические приключения, а на самом деле – пролежишь всю оставшуюся жизнь в психушке, кушая бульон через трубочку.

– Психушка – это бедлам, что ли?

– Бедлам?

– Ну, дом для умалишенных.

– Точно, для лишенных ума... В Клипате нельзя жить, невозможно. Это недопространство, полуреальность... Там обитают лишь *сущности*, эфемерные продукты мыслительности, отходы разума, так сказать... Смутные тени неосознанных стремлений и подавленных желаний разумных существ из реальностей.

– Вроде малиновых ящериц и фиолетовых крыс?

– Местный фольклор? Да, что-то вроде того.

Не знаю, почему именно после этих слов, но я вдруг вспомнил:

– Эй, Мун, я наконец сообразил, где раньше видел твою... твоё лицо!

Если бы я был менее пьян, то придал бы большее значение тому, как он напрягся, быстро глянул на меня и спросил:

– Где?

– Я рылся в столе Хуансло, искал ключ от шкафа. И кроме всего прочего нашел там стеклянную пластину с изображе-

нием... твоим изображением. Объемным.

– А, это... – Он заметно расслабился. – Это всего лишь голограмма. Ну, объемное изображение в стекле. Я сам как-то подарил ее Хлору. Где она сейчас?

– Надо полагать, там же, в столе.

– При случае заберу.

Мы помолчали, и я опять спросил:

– А ты не мог бы показать мне, как работают эти штуковины?

– Камуфляжец – нет. Не потому, что не хочу, а потому, что сейчас просто не смогу. А РД-машина – запросто.

Поднявшись, он нетвердым шагом приблизился к аппарату и поманил меня.

– Смотри... – Макой стал показывать, то и дело сбиваясь и путая кнопки управления.

По мере сил я пытался запомнить, что он говорит и делает, но запомнил мало. Выяснилось, что круглая площадка со штангами и есть то место, от которого расходуется деформация и на которое надо встать, чтобы переместиться в другую реальность, а куб из зеленого металла является тахионным уловителем. Мне показалось, что включается машина довольно просто, но, скорее всего, мне это только показалось.

– Датчик, – говорил Мун, – инициируется, если кто-то извне хочет воспользоваться твоей станцией. Импульс проходит через радиомаяк, который отправляет «сигнал-о-при-

бытии», улавливаемый приемником в часах, а затем достигает автомодуля, который через внутренний контур самостоятельно активизирует автоматику. Вообще, это – сложная стационарная машина большой мощности, но существуют еще малогабаритные деформаторы типа «ПАКЕТБУК», рассчитанные на три-четыре перемещения. Сейчас появились даже микроустройства, одноразовые «дефзонды». Машину надо, конечно, уметь ремонтировать, если там вдруг что-то сломается, но, по-моему, там никогда ничего не ломается. Так что можешь теперь считать себя профессиональным зрителем. – На этой оптимистической ноте мы вернулись в кресла.

– Что же все-таки делать с регистрацией? – произнес Маккой уже совершенно пьяным голосом. – Пока найдется новый зритель, пока все оформят... А дела мои стоять не могут.

– Зачем тебе нужна эта регистрация? – спросил я. Мой голос, кажется, тоже не был голосом человека трезвого.

– Мне-то она не нужна. Но за этим очень ревностно следит Эгида. Если ненароком выяснится, что я вышел за территорию РД-станции, не зарегистрировавшись, меня могут лишить лицензии и наложить штраф.

– Эгида? Я краем уха слышал о ней там, в ресторане. Что это еще за штука такая?

– Ее не любят, но, как ни крути, она нужна. Это контора, следящая за порядком реальных деформаций и контролирующая все легальные РД-станции. Ею руководит че-

ловек, которого называют Принципал. Главные отделы расположены в мире Зенит, Средоточии Пространств, который считается как бы центральной реальностью Конгломерата... Это, конечно, условно. Зенит еще называют Красными Песками. Слушай, Уиш, а кем тебе вообще приходился Халай? – произнеся последнюю фразу, он посмотрел на меня очень внимательно. – Фамилии-то у вас разные.

– Да никем. Я ж говорил – просто мой скупщик.

– Но ты выдал себя за его родственника?

– Ну да.

– Ага... И как у тебя сейчас с финансами?

– Фи... с чем?

– Деньги, я имею в виду, у тебя есть?

– Ни медяка.

– А предвидятся?

– Я вообще-то надеялся на это наследство. А кроме него...

– Вряд ли Хлор много оставил. Я бы на это не рассчитывал.

– Так мне больше не на что рассчитывать.

Он подумал и провозгласил:

– Уиш, я знаю, как решить твои финансовые затруднения!

Тебе надо стать смотрителем РД-станции на Бьянке!

– Как это? – удивился я. – Что ты? Мне – смотрителем?

– А почему нет? Очень приличная должность. Ты ведь получил в наследство дом, землю и личный прайтер Хлора. Правда, ты ничего не знал о прайтере, но ведь это лишь по-

тому, что старик внезапно помер, не успев дожидаться твоего появления и ввести в курс дела. Для чего еще он вызывал тебя к се... Да, я забыл, он же тебя не вызывал, ты сам написал то письмо... Не важно, в общем, теперь ты получаешь в наследство станцию. Во всем Конгломерате никто, кроме тебя и меня, не знает, что на самом деле ты ему не родственник. Что с тобой? Тебе плохо?

– Не... Мне хорошо...

Я сидел, развалившись в кресле, и смотрел на Макоя одним глазом, потому как уже понял, что если смотреть двумя, то собеседник начинает раздваиваться и уплывать куда-то. Мысли путались.

– Но... но ведь эта станция не была собственностью Хуансло Хита, – возразил я.

– Ничего не значит. Прайтер твой, автопилот запрограммирован на полет к станции и обратно, датчик охранного люма на регистрационное поле прайтера, как обращаться, с машиной я тебе показал... Ну, потом еще подучу... Кому же, как не тебе, становиться новым зрителем?

– Не знаю, не знаю, – промямлил я. – А какие здесь заработки?

– Вот это правильный вопрос, Уиш. Деньги – пусть, по мнению некоторых ханжей, и низменный, но – главный лейтмотив всей нашей жизни. За каждое пользование *твоей* станцией клиент платит, понимаешь? Величина оплаты зависит от того, сколько энергии затрачивается на конкретную де-

формацию. У каждой реальности, видишь ли, своя сила поверхностного натяжения событийной сферы, да и расстояние между реальностями разные... Ну, насчет расстояний, это, конечно, условно. Но, в общем, деньги сами потекут к тебе.

– А налоги?

– Их мало, и они не слишком обременительны. Вот если бы Бьянка была белая, местные власти изымали бы свои пошлины, а так... Амортизация оборудования – два процента, пенсионный фонд тоже. Больше всего забирает Эгида – десять процентов, и кроме того, маленький налог на бездетность... У тебя ведь нет детей?

– Откуда я знаю?

– А... э... не важно. Кроме того, если хочешь, можешь стать членом профсоюза зрителей, они помогают своим, а берут немного, всего полтора процента. Да, еще считается хорошим тоном отстегивать иногда небольшие пожертвования в какие-нибудь благотворительные организации... Ну, там, к примеру, закрытый мужской клуб поддержки молодых девиц из неимущих семей или что-нибудь в этом роде...

– Довольно внушительный список, – заметил я.

– Да нет, это все чепуха. Ты будешь уверенно преуспевать. Так что, согласен?

– Не знаю, Мун, не знаю... Все это кажется слишком неожиданным. Лучше я пока повременю, осмотрюсь.

Но ему явно требовалось, чтобы его кто-нибудь зареги-

стрировал, и Макой принялся убеждать. Он был очень красноречив, и выпитое вино лишь усилило его красноречие, расцветив речь неожиданными метафорами, смелыми сравнениями и яркими аналогиями, вся мощная лиричность которых сводилась к тому, что я просто не могу не стать зрителем. Я же, как-то подзабыв, для чего, собственно, ему это требовалось, и ощущая, что голова кружится, а мысли путаются все больше, в конце концов дал себя уговорить.

– Стой, Мун! – выдохнул я на третьей минуте его проникновенной речи. – Стой, Заруэстра тебя побери! Беззаботная жизнь до самой старости? Полные карманы денег? Вкусная еда и изысканные вина? Толпы красоток со всего Конгломерата? Лучшие курорты? Уважение и почет? Ты не преувеличиваешь, Мун? Должность зрителя станции даст мне *все это*?

– У... уверен, – пробормотал Макой, слегка ошалевший от собственной трепотни. – На все сто!

– Ну, тогда я согласен!

– Молодец, Уиш! Так и надо принимать судьбоносные решения в своей жизни – быстро и без оглядки. Сейчас подпишем бумаги, и вступишь в новую должность.

Он достал из-за кресла вместительный баул коричневой кожи, который я раньше не заметил. На стол легли голубая папка и несколько листов тонкого белого пергамента, похожего на тот, что я видел у Хуансло Хита. Из кармана пиджака появился тонкий белый стержень, и с некоторым удивле-

нием я догадался, что это пишущее перо. Я оглядел стол в поисках чернильницы, но Мун уже принялся писать. Чернила каким-то образом сами появлялись на пергаменте, будто вытекали из кончика пера.

– Самопишущая ручка, – пояснил Макой, заметив мой недоуменный взгляд. – Сейчас быстренько составлю документ о переходе к тебе всех прав на аренду... Я по долгу службы имел много дел со всякими бумагами и знаю как... Вот... Распишись здесь и здесь... А я подпишусь в качестве свидетеля...

– А разве не следует это как-то заверять в Эгиде? – сделал я последнюю попытку.

– Следует, но мы заверим после. Пустая формальность. Смотри, я подписываюсь... – Он черкнул под текстом что-то неразборчивое, подтолкнул ко мне пергамент и передал перо. – Теперь ты...

Самопишущая ручка плохо держалась в моих пальцах, а буквы на тонком белом пергаменте с каким-то гербом в правом верхнем углу расплывались. В Ливии бытовала поговорка: «Не прыгай с камня в озеро, если не уверен, что камень – не скала, а озеро – не лужа», – и я как раз припомнил эту поговорку, но тут Мун Макой резко произнес:

– Пиши!

Самопишущее перо в руке дрогнуло, и я расписался.

– Правильный выбор, – одобрил он, пряча ручку в карман. – Декадевроны сами будут складываться в пачки и пры-

гать в твой кожаный бумажник.

– У меня нет кожаного бумажника.

– Так скоро будет.

– И что такое дека... декадевроны?

– Денежная единица, распространенная в Конгломерате.

Тут у Хлора где-то валялась тарифная сетка, по которой определяется сумма оплаты за каждую деформацию... после найдем.

Это повернуло мои мысли в новом направлении, и я сказал:

– Слушай, Мун... Значит, клиенты должны платить за пользование... моим оборудованием?

– Естественно, – подтвердил он.

– Ты-то клиент...

Он поспешно сказал:

– Я какое-то время назад заплатил Хлору за несколько перемещений вперед.

– Да?

– Конечно! Стал бы я врать?! Я, знаешь ли, никогда не вру! Такой уж я!

– Нет таких людей.

– Пфе! А кто тебе сказал, что я человек? Ну, мне пора идти, – внезапно заторопился он, вставая.

– Куда это?

– По делам. Вот здесь у меня... – Он похлопал по баулу. – Здесь у меня партия отличных Советчиков. Первый

уровень сложности, двойная защита, сверхбыстрые синапсы, лингвистическая адаптация, визуальный рецептор, микросхема эмоционального проецирования, контур личной ЭГО-структуры и совсем небольшая цена. Не хочешь стать дис-трибью... да, я забыл, ты ведь, наверное, не знаешь, что та-кое Советчик.

– Слушай, Мун... – Я помотал головой. – Я... я, кажется, хотел у тебя еще спросить... Что?.. Ты совсем задурил мне голову своим бухтением... Что же я хотел спросить? Не помню...

– Спросишь, когда я вернусь.

– А когда ты вернешься?

Он посмотрел на круглые часы с белым циферблатом и длинными черными стрелками, висящие на стене.

– Скоро рассвет, – заметил он. – Я быстро вернусь, особенно если ты позволишь мне воспользоваться твоим прай-тером.

– Ладно, – согласился я.

– И кстати, какой новый код?

– Код?

– Ну, базовый код доступа на станцию, который ты ввел в люм.

– Чего это?

– Ты совсем окосел. Я спрашиваю, какой код...

– «Чего это»! – перебил я. – В смысле не «чего это?» – а «чего это», понимаешь? Такие два слова...

– «Чего это»? Ты, наверное, придумал этот код в порыве вдохновения. Очень оригинально! Ну, я побежал...

– А мне что делать?

– Поспи пока.

– Ладно, – согласился я, тем более что это совпадало с моими собственными желаниями. – Посплю.

– Главное, никуда не уходи со станции, пока не появлюсь я или... в общем, до встречи! – произнес Мун Макой и ушел.

Некоторое время эхо доносило затихающий звук его шагов, а потом стукнула дверь и на станцию РД (Б-1) опустилась тишина, только что-то сухо потрескивало в тахионном уловителе да еле слышное гудение издавал мигающий сигнализатор автомодуля деформационной машины.

Я сидел, положив подбородок на руки, и тупо смотрел на пергамент, который подписал, – оказывается, Мун Макой не убрал его в свой баул, а оставил на столе. «Но ведь он так и не зарегистрировался, – вяло подумал я. – Впрочем, мне-то какая разница? Что ж я все-таки забыл у него спросить?.. Ведь что-то важное...» Мысли путались и разбегались, голова наливалась свинцовой тяжестью. Самодельное пойло и крепленое вино плескались в моих венах. Скоро рассвет... Великий Ливий, какая длинная ночь! Что же я забыл спросить?..

Моя голова упала на стол, и я погрузился в темноту, так и не вспомнив, что не узнал у Макоя, откуда взялся одноглазый циклоп, что ему понадобилось в доме Хуансло Хита и

на РД-станции и куда он подевался после.

* * *

С самого начала было ясно, что выспаться по-настоящему в эту суматошную ночь мне не удастся, но в этот раз проспал я уж совсем мало.

Разбудил меня незнакомец, бродивший вокруг площадки деформационной машины, на которой он только что возник.

– Серость, сплошная серость, – бормотал он. – Ведь говорил им: реальность Бьянки не для РД. И где, наконец, смотритель?

Я с огромным трудом разлепил веки, на которые будто вылили банку мучного клея, несколько раз моргнул и посмотрел на вновь прибывшего. Одет он был весьма странно – в перехваченную ремнем голубую тогу, голубые рейтузы, круглую голубую шапочку с козырьком и голубые ботинки на шнурках.

– Пьяный гуманоид на территории, – произнес он, покосившись в мою сторону, и вдруг рявкнул: – Вы ведь не Хлор Халай?

В его руке было зажато некое прямоугольное устройство с многочисленными кнопками, рычажками, переключателями и двумя свисающими проводками.

– Нет, – сказал я. – Меня зовут Уиш Салоник. А вы кто такой?

– Как-как вас зовут? Ну и имя. Я – инсайдер пятой ступени Лури Зрауп, – представился он не слишком вежливым тоном. – Знаете, какое наказание положено за незаконное проникновение на территорию РД-станции?

– Понятия не имею, – нахально ответил я. Мне уже до смерти надоели всякие неизвестно откуда возникающие чудные личности. – Чего это вы так расфуфырились?

– Расфу... что? – удивился он. – Обычная форма пятиступенчатого инсайдера Эгиды.

Я выпрямился в кресле и стал усиленно тереть глаза.

– Так вы из Эгиды?

– Вот именно. Прибыл сюда для проведения ежеквартальной ревизии. Итак, вы не Хлор Халай... Может быть, вы клиент?

– Сами вы клиент!

– Ага! Вы не работник этой станции и вы не клиент, но тем не менее вы находитесь здесь без допуска... И от вас доносится явственный запах спиртного, а под столом я наблюдаю три стеклянные емкости, пустые, и *что* находилось раньше в этих емкостях, и *где* теперь то, что находилось в них раньше, совершенно понятно и... О чем это я говорю?.. Да! Я вынужден констатировать нарушение установленных правил высокой степени злостности, призываю вас к порядку и определяю наказание... Штраф в размере тридцати декадевронов либо десятидневные принудительные работы в карьере реальности Зенит. Что вы предпочтете?

– Предпочту поспать, – сварливо ответил я. – Нет у меня этих ваших девронов-марлонов. И даже не надейтесь, что я стану махать лопатой – или чем там надо махать – в этих ваших карьерах-мальерах. Ясно вам?

Инсайдер пятой ступени Лури Зрауп довольно кивнул:

– Неповиновение официальному представителю Эгиды... Так и запишем. – Тут я заприметил на его ремне широкую голубую сумку. Он достал из этой сумки самопишущее перо, блокнот и действительно что-то записал в нем, предварительно спрятав прямоугольное устройство с проводками.

– Я констатирую нарушение правил крайней степени злостности. Срок принудительных работ увеличивается до двадцати дней. Я даже думаю, что мы сможем организовать показательный общественный суд. Очень хорошо!.. То есть, что я говорю, очень плохо!

Лури Зрауп важно прошелся по комнате и задал вопрос:

– Так где же все-таки смотритель Хлор Халай? Он несет ответственность за беспорядок и тоже должен подвергнуться взысканию!

Я сказал:

– А он умер.

Инсайдер отскочил в сторону от меня.

– Умер?! Как умер?! Вы его убили?

– Вот заело у людей! – проворчал я, закатывая глаза. – Великий Ливий, что вы все несете? С какой радости я должен его убивать? Он умер, просто умер! Это иногда случается...

Своей смертью!

Зрауп с сомнением и недовольством поджал губы.

– Умер своей смертью? И это прямо перед квартальной ревизией? Мне требуется срочно пересмотреть весь план действий. Ревизию придется отложить, а сейчас я обязан спешно уведомить руководство о внезапной кончине смотрителя подведомственной станции. Станция РД не может функционировать без смотрителя!

Тут я его поддержал:

– Валяйте, сообщайте. В смысле, валите... От цвета вашего балахона болят глаза, да и весь вы какой-то неказистый. К тому же мне надо поспать до утра, а лучше до вечера...

– Вы отправитесь со мной, – перебил он.

– Чего это вдруг?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.